Жегалкинъ
5
W 518/285

В. Розовъ-Цвѣтковъ.

По ту сторону „Пояса міра“

Этнографическіе очерки и разсказы.

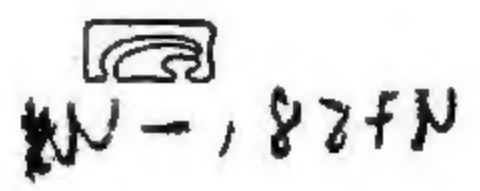
Типо-литогр. И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовск. ул., собств. домъ.
МОСКВА—1904.

Дозволено цензурою. Москва, 21 февраля 1904 г.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
В. И. ЛЕНИНА
47581-47

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	По Турѣ	1
II.	По Иртышу	13
III.	У „Дѣвичьихъ Воротъ“	40
IV.	Шомонаевка	59
V.	По Оби	86
VI.	Има	102



По Турѣ.

I.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали отвала парохода *Ласточка*, на которомъ намъ предстояло ѣхать изъ Тюмени въ Тобольскъ. Пассажировъ было очень много, но число „провожающихъ“ превосходило ихъ въ нѣсколько разъ.

Въ такихъ городахъ, какъ Тюмень, гдѣ жизнь далеко не отличается разнообразіемъ, даже такой случай, какъ приходъ и отвалъ парохода, не проходитъ незамѣченнымъ и всегда привлекаетъ много любопытныхъ. Притомъ для любителей ново-

стей пристань еще интересна и въ томъ отношеніи, что здѣсь всегда услышишь какую-нибудь исторійку, пикантный анекдотецъ въ чисто-сибирскомъ духѣ...

Такъ, напримѣръ, одинъ разсказываетъ, что въ Семипалатинскѣ, отколѣ ни возьмись, появился игрокъ, который ловкимъ образомъ обыгралъ нѣсколько обывателей и для котораго мѣстныя власти не придумали другого наказанія, какъ сослать въ не столь отдаленныя губерніи Европейской Россіи, съ тѣмъ расчетомъ, что тамъ онъ скорѣе „нарвется“ на болѣе ловкаго артиста, чѣмъ онъ самъ...

Другой повѣствуетъ о томъ, что какой-то житель „Кирпичныхъ сараевъ“ *), явившись къ приходскому священнику и прося его пріѣхать къ нему крестить ребенка, тутъ же успѣлъ стащить у священника рясу, которую заложилъ, и на полученныя деньги устроилъ крестины на славу. Священникъ былъ удивленъ, когда при полученіи трехрублевой бумажки за требу въ

---

*) „Кирпичные сараи“—значительный поселокъ въ двухъ верстахъ отъ Тюмени, гдѣ ютятся всѣ бѣглые и разнаго рода темныя личности.

то же время ему была вручена и квитанція ссудной кассы, гдѣ заложена его ряса.

Такихъ анекдотовъ много услышишь здѣсь, но всѣхъ ихъ не перескажешь.

Все это пріѣлось и время стало казаться мнѣ очень продолжительнымъ. Раздался, наконецъ, трехкратный свистокъ, капитанъ сталъ отдавать команду, послышалось: „впередъ“, „до полнаго“, и мы поплыли.

Вмѣсто семи часовъ вечера, согласно расписанію, пароходъ пошелъ въ девять, и я очень сожалѣлъ, что мнѣ приходилось ѣхать по Турѣ ночью и быть такимъ образомъ лишеннымъ возможности ознакомиться со свойствами этой рѣки и присмотрѣться къ очертанію ея береговъ.

Меня все интересовало здѣсь: и небольшія березовыя рощи съ ихъ невысокими тонкими деревцами, казавшіяся теперь, ночью, густою чащей, и села, и деревни, расположенныя по обоимъ берегамъ Туры, и даже небольшіе хуторочки, едва замѣтно рисовавшіеся на общемъ фонѣ темнѣвшей ночи.

Созерцая эти разсѣянныя здѣсь и тамъ хижины, въ окнахъ которыхъ кое-гдѣ мелькалъ огонекъ, мнѣ невольно вспомнилось

извѣстное стихотвореніе Некрасова: „Назови мнѣ такую обитель“... Хотѣлось знать, какъ живется здѣсь русскому мужику, дѣйствительно ли его матеріальное положеніе здѣсь лучше, чѣмъ въ Европейской Россіи, какъ объ этомъ нерѣдко приходится слышать.

Несмотря на холодъ, который обыкновенно ощущается ночью на рѣкахъ Сибири, даже и въ іюлѣ мѣсяцѣ, я остался на палубѣ, надѣясь хоть сколько-нибудь ознакомиться со свойствами Туры.

Ночь была ясная, но безлунная. Въ этихъ странахъ, ближайшихъ къ сѣверу, звѣзды блестятъ особенно ярко и даже въ пасмурную ночь, то тамъ, то здѣсь онѣ пробиваются сквозь дымку облаковъ и неизмѣнными спутниками сопровождаютъ васъ всю дорогу. Сколько разъ, странствуя впослѣдствіи по киргизскоій степи, нескончаемоій и безлюдноій, въ глубокую, темную ночь, въ сопровожденіи одного только ямщика-Киргиза, которыій едва понималъ меня, благодаря этимъ мерцающимъ звѣздамъ, находилъ я дорогу, съ которой то и дѣло сбивались проворныя сибирскія лошади, везшія насъ. Мнѣ еще теперь памятенъ одинъ

такой случай, гдѣ въ продолженіе слишкомъ трехъ часовъ искали мы дороги, руководствуясь однѣми только звѣздами, рѣшительно не зная, какого направленія держаться: ѣхать ли направо, налѣво, назадъ или впередъ. Лошади уже совсѣмъ выбились изъ силъ, становилось немного жутко...

Здѣсь, на пароходѣ, снабженномъ пищей и прочими предметами первой необходимости, переполненномъ пассажирами, мирно спавшими теперь въ каютахъ, само собою и рѣчи не могло быть о тѣхъ тревожныхъ мысляхъ, которыя навѣваетъ на тебя безлюдная степь; оставалось только чтобъ ознакомиться съ этими мѣстностями, присматриваться къ нимъ, насколько это позволяло ночное время. За этими наблюденіями незамѣтно прошла ночь.

II.

Съ разсвѣтомъ Тура предстала во всемъ своемъ видѣ. Узкая и неглубокая, она змѣйкой извивалась, уходя въ даль...

Во время моей первой поѣздки, въ среднихъ числахъ іюля мѣсяца, на Турѣ еще

не испытывалось тѣхъ затрудненій отъ мелководья, какія замѣчались на обратномъ пути, о чемъ рѣчь еще впереди. Правда, и теперь наметчики, почти безперывно дѣйствуя наметкой, то и дѣло выкрикивали: „семь“, „шесть“, „пять“, но не было случая, чтобы нашъ пароходъ, имѣвшій всего шестнадцативершковую осадку, сѣлъ на мель...

Далеко не отличаясь многоводіемъ, Тура и не выдается своими живописными берегами. Совершенно наоборотъ,—берега ея однообразны, невысоки и въ рѣдкихъ случаяхъ покрыты небольшими березовыми рощицами, отдѣльно встрѣчающимися здѣсь и тамъ, съ тонкими, невысокими деревцами. Настоящаго же лѣса съ высокостольными деревьями, какими славится русскій сѣверъ, здѣсь нигдѣ не попадается. Ива и боярышникъ—неизмѣнные спутники этихъ насажденій, и ими, можно сказать, исчерпывается вся флора упомянутой мѣстности. Но и здѣсь эта скудная растительность вслѣдствіе рыхлости почвы плохо развивается, и довольно часто приходится видѣть, какъ эти деревья, вырванныя съ корнями, цѣлыми массами лежатъ вдоль

обоихъ береговъ рѣки и, уносимыя теченіемъ, еще больше засариваютъ Туру, способствуя образованію въ ней множества корчей.

Воспользовавшись первою остановкой парохода съ цѣлью запастись дровами, я сошелъ на берегъ и отправился въ ближайшую деревню. Она состояла изъ 50 дворовъ, приблизительно, съ небольшими одноэтажными избушками, среди которыхъ выдѣлялась одна своею обветшалою соломенною крышей и своими маленькими окнами, гдѣ мелькнуло миловидное дѣтское личико. Я вошелъ въ эту избу.

— Доброе утро, хозяинъ!.. Молочка можно достать? обратился я къ старику, находившемуся у небольшого столика и чинившему хомутъ.

— Можно, можно... Ксенія, кликни матку, сказалъ онъ сидѣвшей у окна дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцати. — Садитесь, сударь. На пароходѣ пріѣхали?

Добродушное лицо старика привлекало къ себѣ, но трудно было опредѣлить по его наружности, какихъ онъ былъ лѣтъ.

— Давно ли въ этомъ краѣ, дѣдъ? А, быть можетъ, природный сибирякъ?

— Нѣтъ, изъ западныхъ губерній...

— А ну, какъ живется здѣсь, сытъ ли, обутъ, одѣтъ?

— Слава Богу, хлѣбъ съ мякиной больше не ѣдимъ; по праздникамъ даже изъ пшеничной муки лепешки печемъ. Скотинка лишняя есть, да вотъ въ сапогахъ ходимъ, какъ изволите видѣть, о лаптяхъ у насъ не слыхать, давно позабылъ, какъ ихъ плетутъ.

— Но отчего такъ... грязно живете,—хотѣлъ я спросить, но, не желая обидѣть старика, сказалъ:—отчего такъ тѣсно живете?

Но старикъ понялъ меня и, обведя избу глазами, сказалъ:

— Знаете, батюшка, русскую поговорку: „Не красна изба углами, а красна пирогами“. Притомъ же въ тѣсной избѣ какъ-то теплѣе, это еще извѣстно мнѣ изъ прежней жизни на родинѣ.

— Такъ. А по родинѣ скучаешь?

— Чего скучать... Тамъ родина, гдѣ кормиться можно. Къ тому же у меня на родинѣ почти никого нѣтъ; тутъ моя старуха, дочь, а вотъ и внучка,—указалъ онъ на дѣвочку.

— Учится?

— Охотно училась бы, да школы нѣтъ у насъ; самая ближайшая отъ нашей деревни школа-то въ 25 верстахъ, куда жъ пошлешь дѣвочку въ такую даль... Э, кабы грамоту знала,—со вздохомъ промолвилъ старикъ,—я почту сталъ бы держать: ужъ очень выгодный промыселъ въ здѣшнемъ краѣ.

— А скажи-ка, дѣдушка, какъ живутъ сосѣди?

— Ничего, у каждаго дѣло есть: кто хозяйствомъ занимается, кто извозомъ, а кто въ лѣсъ ходитъ звѣрей промышлять. Все бы хорошо, да только одно плохо; „мастерства“ у насъ никакого нѣтъ: все изъ Россіи получать приходится, и фунтъ гвоздей у насъ стоитъ дороже фунта сливочнаго масла.

Я еще о многомъ хотѣлъ разспросить старика, но трехкратный свистокъ, который доносился до меня съ пристани, напомнилъ мнѣ, что я не долженъ мѣшкать.

III.

По моемъ возвращеніи на пароходъ я нашелъ большую часть пассажировъ уже

вставшими и прогуливавшимися по палубѣ.

День былъ ясный и жаркій, но зной умѣрялся прохладнымъ и легкимъ вѣтеркомъ, дувшимъ съ запада. На водѣ хорошая погода составляетъ особенную прелесть; теченіе воды, по которой скользитъ пароходъ, шумъ и плескъ волнъ и образующаяся отъ нихъ пѣна, которая змѣйкой струится у береговъ, забѣгая впередъ, чириканіе птичекъ, которое доносится до тебя изъ сосѣдней рощи, наконецъ чистый свѣжій воздухъ, который вдыхаешь полною грудью,—все это сближаетъ тебя съ природой, заставляя на время забыть дѣйствительность.

Большія стада, въ нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота, паслись, вмѣстѣ съ лошадьми по обширнѣйшимъ лугамъ, идущимъ вдоль береговъ рѣки. И весь этотъ скотъ составлялъ собственность одной деревни, какъ объ этомъ сказалъ мнѣ командиръ парохода, хорошо знакомый съ условіями сельскаго хозяйства этого района. Рѣдко можно встрѣтить здѣсь деревенскаго жителя, который не имѣлъ бы десятка два-три овецъ, нѣсколько коровъ

и лошадей. Благодаря большимъ заливнымъ лугамъ, которыми изобилуетъ край, содержаніе скота обходится очень дешево, вслѣдствіе чего и стоимость его незначительна. Въ связи съ дешевизной скота находится здѣсь и дешевизна съѣстныхъ продуктовъ.

Я любовался видомъ этихъ многочисленныхъ стадъ, хорошо откормленныхъ. Тамъ, немного поодаль, цѣлый табунъ лошадей, испуганныхъ свистомъ парохода, красивымъ галопомъ пустился бѣжать по склону возвышеннаго берега рѣки. Капитанъ, забавляясь этимъ зрѣлищемъ, сталъ чаще и усиленнѣе подергивать свистокъ; послышались порывистые, оглушительные звуки: это еще больше пугало лошадей, и онѣ стремительно понеслись впередъ.

Къ вечеру мы уже плыли по рѣкѣ Тоболу, которая вмѣстѣ съ Турой составляетъ общій водный путь для всего Обскаго бассейна. Берега рѣки здѣсь болѣе оживлены и мѣстами даже очень живописны, теченіе рѣки ровнѣе и быстрѣе, и Тоболъ имѣетъ здѣсь видъ широкой, многоводной рѣки.

Пароходъ двигался со скоростью двадцати верстъ въ часъ, проходя мимо боль-

шихъ богатыхъ селъ и деревень: Березоваго, Караульныхъ Яровъ, Бабасанскихъ Юртъ и пр.; вотъ и село Карчино, откуда до города Тобольска рукой подать.

„Что представляетъ собой этотъ городъ? — подумалъ я про себя, — посмотримъ“...

По Иртышу.

I.

— Ну что, Иванъ Ивановичъ, обозрѣли Тобольскъ?—усмѣхаясь, спросилъ меня Петръ Петровичъ Никольскій, мой сосѣдъ по каютѣ на *Сарапульцѣ*, на которомъ мы находились, нетерпѣливо ожидая его отвала:—какъ находите „столицу“ Сибири? Вы, повидимому, очарованы ею и, кажется, ужъ третій день, какъ все еще осматриваете ее?

— Ничего, городъ хорошій, интересный.

— Ужь и интересный; полноте, Иванъ Ивановичъ... По моему въ этомъ городѣ ничего интереснаго и хорошаго нѣтъ. Улицы кривы, и вдобавокъ покрыты пылью да грязью, и вмѣсто мостовой—какая-то деревянная настилка, полусгнившая и дыря-

вая, и какъ только ногой ступишь по ней, тебя прямо въ лицо обдастъ такимъ дурнымъ духомъ, что послѣ ни въ какой банѣ не отмоешься. И вы еще находите Тобольскъ интереснымъ? Признайтесь, что нѣсколько поспѣшили дать свое заключеніе объ этомъ городѣ, и поэтому предлагаю вамъ взять свои слова обратно.

— И не думаю. Повторяю, что городъ представляетъ много любопытнаго и интереснаго во многихъ отношеніяхъ.

— Скажите же на милость, чѣмъ Тобольскъ могъ такъ плѣнить васъ? Въ городѣ не имѣется даже порядочнаго ресторана, гдѣ можно было бы пообѣдать, не говоря уже о театрѣ и другихъ увеселительныхъ и полезныхъ учрежденіяхъ, безъ которыхъ жизнь культурнаго человѣка совсѣмъ немыслима.

— „Panem et circenses“! Вамъ только подавай хлѣба да зрѣлищъ, и больше ни о чемъ другомъ знать не хотите. Но позвольте. Здѣсь найдется кое-что и другое, которому и вы, быть можетъ, не откажете во вниманіи. Хоть бы, напримѣръ, музей и библіотека. Мало ли тамъ любопытнаго и интереснаго? А знаете ли вы, что въ нихъ

собрано и сосредоточено все то, что только имѣется достопримѣчательнаго и касающагося исторіи края? Правда, въ Тобольскѣ нѣтъ театра, но зато имѣются общественныя бани, выстроенныя на средства города и прекрасно обставленныя въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ, которыми можетъ пользоваться любой обыватель, бѣдный и богатый, за незначительную плату. Не имѣется другихъ увеселительныхъ учрежденій. Что жъ? Зато недавно построенъ прекрасный водопроводъ, который, отвѣчая всѣмъ требованіямъ современной техники, въ состояніи снабжать хорошею фильтрованною водой всѣхъ жителей города, — вещь весьма важная для нихъ. Я уже умалчиваю о томъ, что въ Тобольскѣ находится небольшой кружокъ истинно-просвѣщенныхъ людей, занятыхъ изслѣдованіемъ Сибири и способствующихъ развитію и распространенію знаній въ краѣ. Что жъ на это скажете милѣйшій?

Но Петръ Петровичъ на это ничего не отвѣтилъ, а только махнулъ рукой, тихо вздохнувъ, что дало другимъ поводъ думать, что онъ больше не желаетъ спорить, но въ сущности это обозначало, что онъ сдается.

Я немного зналъ Петра Петровича. Мы съ нимъ познакомились на пароходѣ по дорогѣ изъ Тюмени въ Тобольскъ, откуда намъ предстояло продолжать путь до самаго Омска, мѣста его постояннаго пребыванія.

Петръ Петровичъ не былъ природный сибирякъ, а случайно попалъ сюда и увѣрялъ всѣхъ, что хорошо знаетъ Сибирь и очень любитъ ее, утверждая, что это—единственный уголокъ, гдѣ дышится свободно.

Среди прочихъ пассажировъ *Сарпульца* были еще два бухарца: одинъ толстый и высокій, а другой, наоборотъ, худой и приземистый — оба мѣстные негоціанты и ихъ бухгалтеръ, нѣмецъ, съ кокардой на шапкѣ, усвоившій себѣ этотъ офиціальный значокъ на томъ основаніи, что онъ когда-то прослужилъ годъ съ чѣмъ-то въ казенномъ складѣ земледѣльческихъ орудій и вводилъ такимъ образомъ въ заблужденіе наивныхъ обывателей и юныхъ дѣвицъ, которые, принимая во вниманіе его важный видъ и форменный картузъ, считали его крупнѣйшимъ чиновникомъ.

Въ общемъ, пассажировъ было совсѣмъ мало на нашемъ пароходѣ, человѣкъ десять,

не больше, въ томъ числѣ молодая дама съ грудным ребенкомъ, больнымъ и капризнымъ, и притомъ еще большимъ крикуномъ, акушерка, сопровождавшая ихъ, и старуха няня. Молодая женщина и акушерка заняли общее дамское отдѣленіе, а малютку, няньку и цѣлую корзинку пеленокъ и прочихъ принадлежностей дѣтскаго гардероба помѣстили въ другой каютѣ, рядомъ съ моей, что заранѣе предвѣщало мнѣ безсонную ночь — утѣшительнаго очень мало въ дорогѣ... Но я покорился своей судьбѣ и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать отхода нашего парохода, утѣшаясь мыслью, что вскорѣ увижу Иртышъ и ознакомлюсь съ этою замѣчательною рѣкой.

Но *Сарапулецъ* уже третьи сутки стоялъ на якорѣ у городской пристани. Часть команды разбрелась по городу; капитанъ тоже отсутствовалъ, а его помощникъ, совсѣмъ „мокрый“, неувѣреннымъ шагомъ расхаживалъ по пристани и безучастно глядѣлъ, какъ матросы сонно и лѣниво грузили нашъ пароходъ.

— Эй, добрѣйшій, когда же, наконецъ, поѣдемъ?—осаждали его вопросами со всѣхъ сторонъ.

— Скоро, скоро,—отвѣчалъ онъ самымъ спокойнымъ образомъ:—черезъ два часа.

— Какое тамъ черезъ два часа? Вы ужь третій день поете намъ ту же пѣсенку: „черезъ два часа“, а пароходъ все еще на томъ же мѣстѣ стоитъ.

— Ничего не подѣлаешь; посмотрите, сколько груза,—продолжалъ онъ, указывая рукой на пристань:—не таскать же мнѣ этотъ грузъ на собственной спинѣ?

Противъ такихъ вѣскихъ аргументовъ, разумѣется, нечего было возразить и волей-неволей приходилось примириться со своимъ положеніемъ и ждать.

Впрочемъ, большинство пассажировъ, какъ мѣстные жители, хорошо знали здѣшніе пароходскіе порядки и уже, свыкшись съ ними, не очень роптали, а нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ прекрасно чувствовали себя здѣсь.

Нѣмецъ въ форменномъ картузѣ даже находилъ, что на пароходѣ ему живется лучше, чѣмъ дома. Буфетъ прекрасный: выпивки и закусокъ сколько угодно, кормятъ сравнительно недурно, а если пожелаешь, можно заказать обѣдъ по собственному усмотрѣнію,— преимущество, которое было предоставлено однимъ только пасса-

жирамъ перваго класса. И нѣмецъ широко пользовался этою привилегіей и часто совѣщался съ офиціантомъ о выборѣ блюдъ, самъ заходилъ на кухню, гдѣ онъ близко сошелся съ поваромъ и гдѣ лично могъ видѣть, какъ все готовилось.

Худой бухарецъ былъ менѣе разборчивъ въ ѣдѣ, но чувствовалъ большое влеченіе къ напиткамъ, преимущественно къ пиву, которое онъ „тянулъ“ съ утра до вечера, а иногда съ вечера до утра, выкуривая при этомъ несмѣтное число папиросокъ.

Нашъ толстый бухарецъ больше всего интересовался пассажирками парохода, за которыми онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ, притомъ наблюдательнымъ пунктомъ служила ему главнымъ образомъ полуоткрытая дверь дамской каюты, позади которой онъ иногда оставался по нѣскольку часовъ, сосредоточенно глядя на спящихъ женщинъ, и, если, бывало, поймаешь его на мѣстѣ преступленія, онъ тотчасъ отходилъ, конфузясь и слабо кряхтя.

Прочіе пассажиры также старались найти себѣ занятія, кто какъ могъ и въ чемъ былъ гораздъ. Кто въ картишки поигрывалъ, а кто въ шахматы, и, повидимому,

всѣ совсѣмъ успокоились насчетъ того, что приходится такъ долго стоять здѣсь. Одинъ только Петръ Петровичъ никакъ не могъ этимъ примириться.

— Помилуйте, что это за порядки?—горячился онъ:—объявляютъ срочные рейсы, точно обозначая дни и часы отвала парохода, а заставляютъ ждать по нѣсколько сутокъ и вводятъ въ заблужденіе наивную и довѣрчивую публику. Это — обманъ! Только у насъ, въ Россіи, это возможно. И въ какомъ состояніи находится здѣсь судоходное дѣло? Въ самомъ плачевномъ. Пароходы — самаго примитивнаго устройства, удобствъ никакихъ, двигаются черепашьимъ шагомъ, отъ Тобольска до Омска ходятъ чуть ли не четверо сутокъ; этакъ на парѣ хорошихъ лошадокъ скорѣе будешь. И это по такимъ рѣкамъ, какъ — западной Сибири, гдѣ имѣются всѣ условія для правильнаго развитія судоходства!.. Все это отъ того, что у насъ предпріимчивыхъ людей нѣтъ. Тутъ можно поставить судоходное дѣло такъ, что любо было бы глядѣть; рубль на рубль можно было бы нажить, состояніе составить. Да-съ. Но гдѣ же нашему брату, русскому человѣку, что-ни-

будь сдѣлать по собственной инициативѣ? Ему готовое давай, въ ротъ клади, заранѣе гарантируй, что на каждый затраченный рубль три получитъ; нѣтъ, этого еще мало: ты сначала покажи ему „трешницу“, и тогда только онъ рѣшится цѣлковый издержать.

И Петръ Петровичъ ужъ больше не унимался. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ, жестикулировалъ руками, доказывая, что у насъ людей нѣтъ, что у насъ ничего толкомъ дѣлать не умѣютъ и что у насъ все въ застоѣ. Но больше всего досталось мѣстнымъ пароходовладѣльцамъ, капитанамъ и агентамъ ихъ за неумѣніе взяться за дѣло, за отсутствіе всякихъ порядковъ, а въ особенности за то, что его задержали здѣсь нѣсколько лишнихъ сутокъ.

II.

Желанный день отвала нашего парохода, къ нашей общей радости, наконецъ, насталъ. Все засуетилось и какъ бы вдругъ ожило на *Сарапульцѣ*. Вся команда была на ногахъ. Матросы второпяхъ сновали съ одного конца парохода на другой. „Выхаживали“ якорь, убирали чалки, трапъ, уже раздавались прощальные свистки.

Пассажиры, не взирая на сравнительно ранній часъ утра, покидали свои каюты и спѣшили на палубу, чтобы не пропустить моментъ отхода *Сарапульца* и въ послѣдній разъ бросить взглядъ на городъ, спавшій еще теперь подъ первыми лучами утренняго солнца.

Среди прочихъ пассажировъ, находившихся на палубѣ, выдѣлялась фигура Петра Петровича. Лицо его, обыкновенно блѣдное и строгое, было теперь, вслѣдствіе проведенной имъ безсонной ночи, совсѣмъ желто и угрюмо, и мнѣ почему-то казалось, что онъ единственный изъ пассажировъ, который явился сюда не за тѣмъ, чтобы любоваться зрѣлищемъ отхода *Сарапульца*, а исключительно ради того, чтобы потомъ имѣть возможность раскритиковать въ „пухъ и прахъ“—любимое его выраженіе—существующіе порядки на пароходѣ, дѣйствія и распоряженія капитана.

И Петръ Петровичъ не спускалъ глазъ съ капитана, слѣдилъ за малѣйшимъ его движеніемъ, прислушивался къ каждому его слову, сказанному имъ командѣ; но капитанъ, весь увлеченный своимъ дѣломъ, даже не замѣчалъ Петра Петровича и, ка-

жется, всего окружающаго. Онъ бѣгалъ отъ рупоровъ къ кормѣ и отъ кормы къ рупорамъ, и въ одно и то же время отдавалъ приказанія машинисту и матросамъ, направлявшимъ баржу, которая находилась на буксирѣ *Сарапульца*.

Дѣло не легкое выбраться изъ узкой пристани, заставленной пароходами, шаландами и лодками, имѣя груженую баржу на буксирѣ. Но капитанъ, искушенный опытомъ, умѣло направлялъ ходъ *Сарапульца*, который легко и проворно проскальзывалъ мимо этихъ судовъ, держась то одной стороны рѣки, то другой, и, сдѣлавъ вдругъ крутой поворотъ налѣво, выплылъ, наконецъ, на средину Иртыша, и передъ нашимъ взоромъ развернулась великолѣпная панорама этой стремительной рѣки.

„Хорошо,—подумалъ я:—„все идетъ прекрасно, тутъ и Петру Петровичу не къ чему будетъ придраться“.

Но я ошибся, и не успѣлъ я мысленно произнести эти слова, какъ онъ знакомъ руки подозвалъ меня къ себѣ.

— Смотрите,—сказалъ онъ:—посмотрите только, какой старый буксиръ, должно быть еще временемъ ветхаго завѣта. Мнѣ все

время думалось, что вотъ-вотъ онъ разорвется и еще убьетъ кого-нибудь. Я и теперь сильно сомнѣваюсь въ его солидности, и мнѣ кажется, что при малѣйшемъ толчкѣ, который легко можетъ случиться по дорогѣ съ нашимъ пароходомъ, буксиръ лопнетъ и хвать кого-нибудь по башкѣ.

„Типунъ тебѣ на языкъ“, хотѣлось мнѣ сказать ему, но я воздержался и бросилъ взглядъ на Иртышъ.

Иртышъ значитъ „роетъ землю“; это удачное татарское названіе рѣки вполнѣ опредѣляетъ ея характеръ. Быстрая и многоводная, она теченіемъ своимъ размываетъ и разрыхляетъ оба берега свои, образуетъ множество рукавовъ, протоковъ и цѣлые острова, извиваясь большими излучинами, которыя въ плесѣ Тобольскъ—Тара принимаютъ особенно причудливыя формы. Мѣстами протоки достигаютъ значительной ширины и длины, развѣтвляются въ свою очередь и представляютъ какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ рѣчекъ, параллельно текущихъ на большомъ разстояніи, чѣмъ нерѣдко ставятъ въ затруднительное положеніе неопытнаго лоцмана, который не знаетъ, какого направленія держаться.

Въ общемъ ложе рѣки въ этомъ плесѣ не широко; но вода, достигая здѣсь своей наибольшей глубины, представляетъ всѣ условія для безпрепятственнаго пароходнаго движенія въ продолженіе всей навигаціи.

Сарапулецъ медленно плылъ по этой нескончаемой рѣкѣ среди дикой и пустынной мѣстности, рѣдко встрѣчаясь на пути своемъ съ другими пароходами. Небольшія селенія, которыя попадались намъ по дорогѣ, не отличались своею благоустроенностью и не привлекали взора.

Всю эту мѣстность до села Березянскаго преимущественно населяютъ татары. Они живутъ здѣсь бѣдно, замкнуто, не занимаются ни сельскимъ хозяйствомъ ни какими-либо промыслами, ограничиваясь лишь тѣмъ, что сдаютъ въ аренду свои небольшіе участки земли вновь прибывшимъ переселенцамъ.

Татарскія селенія легко отличить отъ русскихъ устройствомъ и расположеніемъ въ нихъ хижинъ, обыкновенно высокихъ, одноэтажныхъ съ плоскими крышами. Мечеть, одна или двѣ, неизбѣжная принадлежность каждаго изъ такихъ селеній; вы-

сокій и остроконечный куполъ ея виднѣется на далекомъ разстояніи и возвѣщаетъ проѣзжимъ и прохожимъ о пребываніи мусульманъ въ этомъ мѣстѣ.

Выше Березянскаго Иртышъ прорѣзываетъ лѣсистую и совершенно малонаселенную мѣстность, которая простирается на десятки тысячъ квадратныхъ верстъ и граничитъ съ такъ называемыми „татарскими урманами".

— Мѣстность эта совсѣмъ не годится для культуры,—сказалъ мнѣ Петръ Петровичъ,—и всѣ попытки въ этомъ отношеніи кончились неудачей и полнымъ разореніемъ переселенцевъ. Это — полоса вѣчной мерзлости, гдѣ почва почти круглый годъ, даже и лѣтомъ, не оттаиваетъ и представляетъ собой залежи сплошного льда, достигающаго двухаршинной толщины. Большинство рѣчекъ и ручейковъ вымерзаютъ здѣсь до дна, а другія, если еще не совсѣмъ промерзли, текутъ по руслу, представляющему сплошной мерзлякъ. Не удивительно поэтому, что бѣдные переселенцы, послѣ неимовѣрныхъ и тщетныхъ трудовъ воздѣлывать эту почву, все бросили и убѣжали, совершенно разорившись. Такіе случаи не един-

ственные въ своемъ родѣ, а повторялись нѣсколько разъ.

— Но зато эта мѣстность представляетъ другія преимущества:—замѣтилъ я, — она изобилуетъ пушнымъ звѣремъ и всякою дичью, и охота возможна и производится здѣсь въ неограниченныхъ размѣрахъ, что также имѣетъ большое значеніе для экономической жизни края...

— Какая тамъ охота,—прервалъ меня Петръ Петровичъ,—можно ли назвать охотой тотъ хищническій способъ истребленія человѣкомъ звѣрей, который практикуется здѣсь? Законовъ и правилъ охоты здѣсь не существуетъ никакихъ, и можно себѣ заранѣе представить, какъ тутъ хозяйничаетъ и усердствуетъ россійскій человѣкъ, предоставленный самому себѣ. Убиваютъ беременныхъ самокъ-оленей, истребляютъ безчисленное множество другихъ животныхъ, нужно или не нужно. Но охота за птицами при помощи такъ называемыхъ „плохъ“, „подтоновъ“ и „перевѣсовъ—“просто отвратительна. Попавшихся въ нихъ птицъ убиваютъ дубинками, или ловецъ давитъ ихъ зубами, закусывая головной мозгъ. Вотъ гдѣ сказывается хищническій инстинктъ человѣка...

III.

На *Сарапульцѣ* тѣмъ временемъ все шло обычнымъ порядкомъ.

Нѣмецъ въ форменномъ картузѣ по прежнему совѣщался съ офиціантомъ насчетъ меню блюдъ къ своему обѣду или завтраку; толстый бухарецъ съ тѣмъ же усердіемъ и постоянствомъ заглядывалъ въ общую дамскую каюту, а худой бухарецъ продолжалъ „тянуть“ пиво, уничтожая папиросу за папиросой. Прочіе пассажиры тоже не отставали отъ нихъ въ своихъ стремленіяхъ пользоваться жизнью и наслаждаться ею, каждый по своему и какъ умѣлъ. И все, повидимому, обстояло благополучно, но неожиданное происшествіе встревожило насъ всѣхъ.

Мы находились на этотъ разъ въ рубкѣ перваго класса, какъ вдругъ изъ нижнихъ каютъ стали доноситься до насъ громкіе вопли и плачъ женщины. Мы стремглавъ бросились внизъ, и глазамъ нашимъ представилось слѣдующее.

Молодая дама, въ отчаяніи ломая руки, плакала надъ своимъ малюткой, который лежалъ безъ чувствъ, конвульсивно вздра-

гивая старая няня неудержимо голосила и хваталась за голову, а находившаяся тутъ же акушерка тщетно старалась всунуть ребенку въ ротикъ свой палецъ, желая, повидимому, вызвать у него рвоту: сдавленныя челюсти малютки не раскрывались.

— Что случилось? Что случилось?—спрашивали всѣ въ одинъ голосъ.

Оказалось, что мать по ошибкѣ вмѣсто дѣтскаго порошка дала выпить своему ребенку другой порошокъ, который былъ прописанъ докторомъ для ея собственнаго потребленія и въ который входилъ стрихнинъ и другія сильнодѣйствующія средства въ дозахъ, слишкомъ большихъ для дѣтскаго организма.

Тутъ всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности стали выкладывать весь скудный запасъ своихъ медицинскихъ познаній, и совѣты посыпались со всѣхъ сторонъ.

Одинъ совѣтовалъ дѣлать малюткѣ массажи по животику, предложивъ при этомъ свои услуги, другой рекомендовалъ согрѣвательные компрессы, третій—слабительное, а капитанъ, который считалъ себя больше всѣхъ свѣдущимъ въ медицинѣ на томъ основаніи, что у него находилась пароход-

ская аптечка, принесъ какія-то капли и совѣтовалъ еще, кромѣ того, ставить ребенку клистиры. Одинъ лишь Петръ Петровичъ воздерживался отъ всякихъ совѣтовъ, и только продолжительно вздыхалъ, сокрушаясь, повидимому, объ ограниченности человѣческихъ знаній вообще и медицинскихъ въ особенности.

Ребенку между тѣмъ отъ всѣхъ этихъ совѣтовъ и даже отъ капитанскихъ капель нисколько не становилось лучше, и бѣдное дитя попрежнему конвульсивно вздрагивало всѣмъ тѣломъ.

— Доктора, скорѣе доктора! — крикнулъ кто-то.

— А гдѣ жъ тутъ, на пароходѣ, возьмешь доктора?—отвѣтилъ ему другой.—Но постойте, мы, кажется, находимся недалеко отъ Тары? Да, посмотрите, всего нѣсколько верстъ, надо только скорѣе ѣхать.

Капитанъ, тронутый горемъ матери и уступая нашей общей просьбѣ ѣхать скорѣе, пустилъ свой пароходъ, что называется, на всѣхъ парусахъ, и *Сарапулецъ* теперь мчался съ быстротой двѣнадцати верстъ съ половиной въ часъ, — скорость неимовѣрная для нашего испытаннаго су-

дна, и ровно черезъ часъ мы прибыли въ уѣздный городъ Тару.

Но и здѣсь, несмотря на наши общіе поиски, не нашли дома ни одного врача. Ихъ здѣсь два всего-на всего: одинъ уѣздный и постоянно находится въ разъѣздѣ, а другой хотя и городской, но, по несчастью, тоже куда-то уѣхалъ.

— Днемъ съ фонаремъ не найдешь здѣсь эскулапа,—запыхавшись промолвилъ Петръ Петровичъ, только что возвратившійся изъ города,—у насъ всѣ врачи въ столицу прутъ, разсчитывая, видите ли, на то, что тамъ скорѣе карьеру сдѣлаешь, но въ дѣйствительности они большею частью сидятъ тамъ безъ хлѣба, а сюда вотъ, гдѣ могли бы быть полезны себѣ и другимъ, небось, не поѣдутъ...

— Но теперь не о врачахъ рѣчь идетъ,— прервалъ я увлекшагося было Петра Петровича, — а о больномъ ребенкѣ: какъ теперь быть бѣдной матери съ нимъ?

— Она пока остается въ Тарѣ и переѣзжаетъ въ гостинницу. Не продолжать же ей путь съ умирающимъ ребенкомъ. Она совсѣмъ замаялась, бѣдняжка.

IV.

Въ Тарѣ нашъ пароходъ недолго простоялъ, и мы въ тотъ же день поѣхали дальше.

Начиная съ этого мѣста, Иртышъ протекаетъ по одной изъ плодороднѣйшихъ и населеннѣйшихъ мѣстностей Западной Сибири: Ишимской и Барабинской степямъ, куда устремился переселенческій потокъ, который хлынулъ сюда изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи въ началѣ истекшаго десятилѣтія, и теченіе котораго продолжается еще до настоящаго времени. Большинство переселенцевъ расположилось главнымъ образомъ по рѣкамъ Шишу, Ишиму и Тую, притокамъ Иртыша, выстроивъ здѣсь множество поселковъ и деревень, благосостояніе которыхъ растетъ и увеличивается съ каждымъ годомъ.

Мнѣ по дорогѣ представился случай побывать въ одномъ изъ такихъ поселковъ. При моемъ посѣщеніи его въ среднихъ числахъ іюля поселокъ былъ далеко еще не отстроенъ. Домики, въ безпорядкѣ разсѣянные здѣсь и тамъ, въ большинствѣ случаевъ еще не были окончены: въ такой-

то избѣ не была готова печь, въ этой — отсутствовала крыша, а тамъ, немного поодаль, находился срубъ, только наполовину возведенный и оставленный такъ въ серединѣ работы.

— Поселокъ этотъ давно образовался? — спросилъ я пожилого крестьянина, который вмѣстѣ съ молодымъ парнемъ навѣшивалъ новыя ворота на свой дворъ.

— Не очень давно: годовъ шесть, кажись, будетъ,—отвѣтилъ онъ, не прерывая своей работы.

— Все еще продолжаете строиться?

— А то какъ же? Избы, чай, сразу не построишь.

Крестьянинъ, повидимому, неохотно вступалъ со мной въ разговоръ, что я объяснилъ себѣ его нежеланіемъ оторваться отъ своей работы, и ужъ хотѣлъ было пойти дальше, какъ онъ вдругъ спросилъ меня:

— Вы изъ какихъ будете? Не изъ землемѣровъ ли? Насъ уже два раза нонче межевали; и намедни еще какой-то пріѣзжалъ, все смотрѣлъ да записывалъ... Ужъ больно часто стали наѣзжать.

Я увѣрилъ его, какъ могъ, что я не „изъ землемѣровъ“ и вовсе не пріѣхалъ сюда,

чтобы межевать его, а просто зашелъ случайно, чтобы посмотрѣть, какъ устроились здѣсь переселенцы.

— У насъ разные слухи идутъ насчетъ переселенцевъ,— добавилъ я,— одни говорятъ, что имъ здѣсь хорошо живется, другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что они совсѣмъ разорились. Кому вѣрить?

— Оно — правда и то, и другое,— отвѣтилъ поселянинъ,—зависитъ, на какую землю потрафилъ. Ежели на „мерзлякъ“ или на такое мѣсто, гдѣ вода не хороша, солона значитъ, то бьешься, бьешься, а толку никакого, и тогда одно средство: бѣжать, и ежели не успѣлъ до наступленія зимы уйти, то совсѣмъ пропадешь... Еще и этакъ бываетъ: землица, кажись, хороша, одинъ черноземъ, и водопой есть; и у тебя понемногу стало налаживаться, да хвать среди зимы водопой весь вымерзъ, до самаго дна, и негдѣ скотину поить, — тутъ-то и бѣда: изволь въ морозъ колодецъ рыть, не дороешься: земля — одинъ ледъ. Или ежели и вырылъ, да въ колодцѣ вода оказывается горькою и соленою, скотинушка понюхаетъ, понюхаетъ и отойдетъ, и приходится копать еще и еще... Вотъ какъ бываетъ!

— Ну, а вашъ поселокъ какъ устроился?

— Я вамъ про то и сказываю. На первыхъ порахъ много намаялись... Пришли мы къ Ильину дню и не успѣли избы поставить да порядкомъ оглянуться, смотримъ: зима на дворѣ, — зима здѣсь очень рано наступаетъ, — и пришлось поселиться въ недостроенной избѣ... Было очень зябко, до того зябко, что ребятишки и бабы плакали.. Насилу весны дождались. Тутъ ужъ пора было о хлѣбушкѣ позаботиться: лѣсъ расчищать да за посѣвъ взяться. Гдѣ жъ тутъ думать было избу окончить? Такъ оно затянулось четыре года... И теперь еще строимся, какъ сами видѣть изволите.

— А скажи, пожалуйста, каковы у васъ урожаи?

— Хвала Богу, ничего. И совсѣмъ были бы хороши, не будь этого „гнуса“ *). Но жаловаться грѣшно: у насъ его, гнуса-то, не такъ много, какъ вонъ у сосѣдей... Что и говорить, жить можно, благодаримъ-те-Господи. Тутъ все есть: и птица, и рыба, и звѣрь есть,—всего вдоволь. Андрюша,— обратился онъ къ находившемуся тутъ мо-

*) Кобылка.

лодому парню, — покажи барину, какихъ звѣрей ты настрѣлялъ.

Андрюша пошелъ въ клѣть и черезъ нѣсколько минутъ вынесъ оттуда нѣсколько выдровыхъ и собольихъ шкурокъ и показалъ мнѣ.

— Самъ настрѣлялъ,— замѣтилъ крестьянинъ, указывая на парня, — тутъ много энтакихъ звѣрковъ и много другихъ еще есть. Въ нашей губерніи, Курской, подобныхъ и не видать. А рыбы, рыбы-то сколько тутъ!—стерлядей, нельмы, разной; такъ много, что дѣвать некуда.

— А что, продаете рыбу?

— Да кто ее здѣсь покупать станетъ? Въ деревнѣ никому не нужно: у кажнаго своя есть. Развѣ вотъ на пароходѣ иногда продашь буфетчику; но и онъ больше четвертака за десятокъ стерлядей не платитъ, и то все проситъ, чтобы кажная стерлядь была бы вонъ такой длины,—съ полъаршина, а мелкихъ совсѣмъ не беретъ. Такъ что ею, мелочью-то, собакъ кормимъ.

Я слушалъ крестьянина и вѣрить не хотѣлъ. Неужели все это правда, что онъ говоритъ? Да, сущая правда: мнѣ потомъ все это подтвердили на пароходѣ.

— Вотъ теперь сравните,—сказалъ Петръ Петровичъ,—сравните-ка матеріальную обезпеченность здѣшнихъ поселянъ съ безвыходнымъ положеніемъ большинства крестьянъ нашихъ центральныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, которые не только не могутъ себѣ позволить такой роскоши, какъ рыбное блюдо къ столу, но даже рѣдко ѣдятъ хлѣбъ досыта. Положеніе ихъ дѣйствительно ужасное...

„Удивительный человѣкъ этотъ Петръ Петровичъ,—подумалъ я,—онъ всегда старается омрачить своимъ пессимизмомъ самыя лучшія мысли и чувства. И я въ душѣ рѣшилъ избѣгать его.

V.

Я пользовался непродолжительными и рѣдкими остановками нашего парохода, осматривалъ и знакомился съ мѣстностью и селеніями, по которымъ мы проѣзжали.

Большинство изъ нихъ отличалось своею благоустроенностью и свидѣтельствовало о благосостояніи ихъ обитателей. Вотъ и Евгащинское, большое и богатое село съ двумя школами, изъ которыхъ одна, какъ

мнѣ сказали, выстроена и содержится на средства мѣстной богачихи. Благоустроенный видъ этого села производитъ пріятное впечатлѣніе. Улицы чисты; домики, въ окнахъ которыхъ вездѣ замѣчаются цвѣты, глядятъ весело, привѣтливо. Цвѣты пестрятъ и въ палисадникахъ, окружающихъ нѣкоторые дома въ этомъ селѣ. Я на этотъ разъ не хотѣлъ подѣлиться съ Петромъ Петровичемъ тѣмъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое вынесъ изъ этого села, опасаясь, чтобы онъ какъ-нибудь его не испортилъ мнѣ.

Въ теченіе этихъ четырехъ дней нашего странствованія по Иртышу погода была великолѣпная. Солнце въ продолженіе всего іюльскаго дня не сходило съ неба, что еще больше способствовало пріятности путешествія по водѣ. Къ вечеру на смѣну ему являлся мѣсяцъ. Онъ неизмѣнно сопутствовалъ нашъ пароходъ во всѣ эти вечера и по временамъ казался такъ близкимъ отъ насъ, что думалось, стоитъ только немного подняться, чтобы коснуться его. Но его печальный и безучастный видъ вселялъ въ душу какую-то неопредѣленную и безконечную грусть.

Грустными и безжизненными казались теперь, ночью, эти дикіе и уснувшіе берега, эта спокойная и зеркальная вода, по которой одиноко плылъ нашъ пароходъ. А можетъ быть все это было слѣдствіемъ того чувства, навѣяннаго на меня словами Петра Петровича, но оно не покидало меня и тогда, когда *Сарапулецъ* сталъ приближаться къ Омску и когда съ пристани стали замѣчаться огоньки.

— Чалки, чалки, — послышался вдругъ возгласъ капитана,—эй, берите тамъ чалки!

Этотъ неожиданный крикъ заставилъ меня очнуться. Мы были въ Омскѣ, и я сошелъ на пристань.

Въ Омскѣ мы разстались съ Петромъ Петровичемъ, и я облегченно вздохнулъ.

У „Дѣвичьихъ Воротъ“.

Ночь была темная и пасмурная, но тихая и душная, одна изъ тѣхъ ночей, предвѣщающихъ грозу или сильный дождь. Мерцавшія въ началѣ вечера звѣзды гасли одна за другой, скрываясь за густыми облаками, которыя, казалось, носились надъ головою и вотъ-вотъ готовы были разразиться въ проливной дождь. Было тихо, и безжизненная степь, въ которой и безъ того царствуетъ вѣчное безмолвіе, казалась теперь агонизирующей, умирающей. Это не была та тишина, которая охватываетъ васъ на вершинахъ высочайшихъ горъ, гдѣ ма-

лѣйшее движеніе, малѣйшій шумъ собственныхъ шаговъ слышенъ вамъ съ отчетливой ясностью,—нѣтъ, это была тишина мертвая, подавляющая, которая ложится тяжелымъ гнетомъ на сердце и мѣшаетъ свободно дышать.

— Будетъ дождь! — вдругъ промолвилъ ямщикъ-киргизъ, везшій меня, и голосъ моего возницы, который и безъ того не отличался звучностью, казался мнѣ теперь совершенно подавленнымъ.

Мы съ нимъ ѣхали вотъ уже вторыя сутки по киргизской степи между Павлодаромъ и Семипалитинскомъ, по этой голой песчаной дорогѣ, не оживлявшейся ни однимъ хотя бы болѣе или менѣе интереснымъ пейзажемъ; и о ней во всѣхъ почтовыхъ правилахъ, вывѣшенныхъ во всѣхъ мѣстныхъ почтовыхъ конторахъ, неизмѣнно значилось: „Дорога пролегаетъ по сухой и песчаной мѣстности“.

За все это время я только въ первый разъ услыхалъ, какъ мой киргизъ заговорилъ по собственной инициативѣ, что не мало удивило меня. Наскучившись этой однообразной степной дорогой, гдѣ утомленному взору не представляется ни одно-

го деревца, ни одного растенія, я, желая хоть сколько-нибудь развлечься, неоднократно пытался поговорить съ моимъ возницей, но послѣдній по своей неразговорчивости или, быть можетъ, вслѣдствіе непониманія русской рѣчи, только краснорѣчиво молчалъ или поддакивалъ головою, дѣлая видъ, что будто бы понимаетъ меня.

— Сильный будетъ дождь! — снова промолвилъ киргизъ, страшно искажая русскія слова.

— Что же намъ дѣлать, Торгай? — спросилъ я.—Гдѣ намъ скрыться здѣсь въ степи на это время, пока дождь пройдетъ?

Хотя у меня былъ крытый надежный тарантасъ, которымъ снабдилъ меня одинъ мой павлодарскій знакомый, предоставивъ его мнѣ для свободнаго пользованія на все время, пока продолжится путь мой, что очень важно для ѣдущаго по киргизской степи, гдѣ обыкновенно почтовыя кибитки никуда не годятся, но тѣмъ не менѣе перспектива очутиться хотя бы и въ крытомъ тарантасѣ въ степи подъ проливнымъ дождемъ далеко не казалась заманчивой.

— Тутъ близко, верстахъ въ шести или восьми, въ сторонѣ, большой холмъ есть,—

отвѣтилъ мнѣ киргизъ,—и большая пещера—„Дивчьи Воротъ“. Тамъ можно будетъ переждать, пока дождь пройдетъ. Тамъ и кони могутъ постоять.

— Какія ворота?

Мой возница говорилъ такъ плохо по-русски, что мнѣ пришлось нѣсколько разъ переспросить его слова, пока, наконецъ, я понялъ, что они обозначали „Дѣвичьи Ворота“.

— Почему они такъ называются „Дѣвичьми Воротами“?—спросилъ я его.

Мой возница усмѣхнулся.

— Потому что туда дивчины ходятъ.

— А зачѣмъ ходятъ?

— Затѣмъ, чтобы принести приклады Таксиру, большому духу, значитъ, чтобы выпросить у него хорошаго жениха.

Я былъ очень заинтересованъ словами моего киргиза, изъ которыхъ я больше половины не понялъ, но которыхъ было достаточно, чтобы возбудить мое любопытство. Мнѣ очень хотѣлось доѣхать до этого поэтическаго мѣста, гдѣ киргизскія дѣвицы, тайкомъ покидая родительскій очагъ, въ уединеніи и тиши степной пещеры вымаливаютъ для себя у мѣстнаго духа хорошаго жениха.

— Увѣренъ ли ты, Торгаи, что мы успѣемъ доѣхать до этого мѣста раньше, чѣмъ начнется дождь? — спросилъ я киргиза.

— Доѣдемъ, только надо будетъ прытко лошадей погнать.

— А не заблудимся ли? Смотри, какая темь.

— Не заблудимся.

— Ну, поѣзжай...

Едва успѣлъ я, промолвить эти слова, какъ мой возница, круто повернувъ лошадей направо и хлестнувъ ихъ раза два, пустилъ ихъ вскачь по ровной степи, гдѣ даже не видно было никакихъ слѣдовъ дороги.

Прошло около часу времени, но, какъ Торгай ни гналъ лошадей, и какъ послѣднія ни мчались, мы не достигли еще означеннаго мѣста, а продолжали куда-то стремиться по прямому направленію. Судя по той скорости, съ какой мчались наши лошади, мы за это время не только должны были бы проѣхать шесть или восемь верстъ, а вдвое больше, а между тѣмъ никакихъ „Дѣвичьихъ Воротъ“ не было.

— Не заблудились ли мы?— спросилъ я своего возницу, теряя терпѣніе.

— Нѣтъ, не заблудились, — промолвилъ онъ нехотя.

— Но откуда знаешь направленіе? Вѣдь дороги нѣтъ никакой?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ еще болѣе категорически.

Ночной мракъ тѣмъ временемъ до того усилился, что на разстояніи двухъ шаговъ ничего не видно было,—я даже не различалъ ни киргиза, ни лошадей его, а только слышалъ гулкій и частый топотъ копытъ по сухому грунту степи.

Подулъ легкій вѣтерокъ, и вслѣдъ за этимъ закапалъ дождь, сначала медленно, а потомъ все чаще и чаще. Грянулъ громъ, сверкнула молнія, и вдругъ вся степь цѣликомъ озарилась на одно мгновеніе.

— Вотъ тебѣ и доѣдемъ, — невольно вырвался у меня упрекъ по адресу киргиза.

Но Торгай продолжалъ убійственно молчать, какъ если бы слова мои вовсе не относились къ нему. Было что-то непріятное, удручающее въ этомъ безмолвіи киргиза, котораго, — я только теперь это почему-то вспомнилъ,—я совершенно не зналъ и который даже никѣмъ не былъ мнѣ отреко-

мендованъ, а только случайно и временно исполнялъ у меня обязанность возницы.

Слѣдуетъ замѣтить, что одно изъ главныхъ затрудненій, которыми обставлена ѣзда по сибирскимъ почтовымъ трактамъ, это то, что чуть ли не на каждой станціи происходятъ большія задержки въ полученіи лошадей. Мѣстные почтосодержатели находя недостаточной прогонную плату въ $1^1/_2$ коп. за версту, которая установлена здѣсь закономъ, подъ разными предлогами уклоняются выдавать вамъ для проѣзда лошадей, или въ лучшемъ случаѣ задерживаютъ васъ на станціяхъ по нѣсколько часовъ, а иногда и на цѣлыя сутки.

Зная все это, я предпочелъ нанять лошадей прямо съ Павлодара до Семипалатинска, что составляетъ слишкомъ четыреста верстъ, пригласивъ въ возчики перваго попавшагося мнѣ киргиза, на котораго указалъ мнѣ владѣлецъ лошадей, и который оказался почти безсловеснымъ существомъ и, вдобавокъ, такимъ угрюмымъ и мрачнымъ, какъ угрюма и мрачна была эта іюльская ночь.

Въ другое время я, быть можетъ, не обратилъ бы на это никакого вниманія, но

теперь эта молчаливость и угрюмость киргиза казались мнѣ подозрительными. Но что могъ я сдѣлать, какъ не отдаться на волю судьбы, сознавая всю свою безпомощность въ данную минуту?

Но въ такія минуты, какъ нарочно въ голову лѣзутъ разныя непріятныя воспоминанія.

Вспомнился мнѣ разсказъ одного моего знакомаго, казачьяго полковника Х., о томъ, какъ киргизы убили его отца, ѣхавшаго по степи по дѣламъ службы. Его нашли мертвымъ далеко отъ дороги съ признаками насильственной смерти. Было произведено строгое слѣдствіе, и убійцы, въ числѣ пяти человѣкъ, сознались въ своемъ преступленіи. Ими главнымъ образомъ руководила месть, такъ какъ казакъ черезчуръ усердно взыскивалъ съ нихъ ясакъ. Вспомнились мнѣ также и разсказы другихъ лицъ, которыя часто ѣздили по Сибири по дѣламъ своимъ и съ которыми я встрѣчался то здѣсь, то тамъ во время моихъ долгихъ скитаній по этимъ безлюднымъ мѣстамъ. И ихъ разсказы не отличались веселостью, но всѣхъ ихъ не перескажешь здѣсь...

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что о Западной Сибири ходятъ самые разнорѣчивые слухи и толки. Нѣкоторые твердятъ, что это спокойнѣйшая страна въ мірѣ. Таково мнѣніе самихъ здѣшнихъ коренныхъ жителей, „сибиряковъ“, какъ они именуютъ себя. Они даже присовокупляютъ, что по здѣшнимъ глухимъ и безлюднымъ дорожкамъ гораздо безопаснѣе ѣхать, чѣмъ по нашимъ почтовымъ и шоссейнымъ дорогамъ, и что здѣсь никогда не бываетъ случаевъ нападенія по дорогѣ съ цѣлью грабежа. Другіе же, большей частью проѣзжіе, наоборотъ, самаго нелестнаго мнѣнія о Сибири и говорятъ, что здѣсь жизнь человѣка ни во что не ставятъ и убиваютъ иногда за пятакъ; разсказчики подтверждаютъ свои разсказы многочисленными фактами.

Что касается лично меня, то могу положительно сказать, что, объѣздивъ почти всю Западную Сибирь, въ общей сложности не менѣе 15 тысячъ верстъ, и въ томъ числѣ около двухъ тысячъ верстъ на лошадяхъ отъ Павлодара до Барнаула, со мною за все это время моего странствованія ничего не случилось, не считая двухъ, трехъ

непріятныхъ столкновеній съ возчиками, о чемъ рѣчь еще впереди...

Но я слишкомъ уклонился отъ своего прямого разсказа; буду продолжать по порядку.

Сколько времени неслись мы такимъ образомъ по степи безъ дороги и ничего не видя передъ собой, я не сумѣлъ бы сказать, такъ какъ я потерялъ всякое понятіе о времени и пространствѣ. Дождь, не переставая, лилъ цѣлыми потоками, покрывая безплодную степь обширными болотами, которыя поминутно озарялись блескомъ молніи, и вся степь находилась теперь какъ бы въ наводненіи. Лошади, совсѣмъ выбившись изъ силъ, еле передвигали ноги. Было невыносимо тяжко и тоскливо на душѣ, и я находился въ состояніи, граничившемъ съ кошмаромъ. Я горько сожалѣлъ, что довѣрился киргизу и позволилъ ему свернуть съ тракта и ѣхать къ какимъ-то „Дѣвичьимъ Воротамъ“, которыя, можетъ быть, существовали только въ его воображеніи; я уже принялъ было рѣшеніе велѣть ему остановить лошадей и ждать разсвѣта, какъ неожиданно для меня онъ радостно воскликнулъ:

— Дивчьи Воротъ, Дивчьи Воротъ!..

Врядъ ли Колумбъ и его спутники, отправлявшіеся для открытія Америки и впервые увидѣвшіе землю, были такъ обрадованы, какъ я, когда я услыхалъ эти восторженные возгласы моего киргиза. Не вѣря еще словамъ его, я высунулъ голову изъ своего тарантаса, чтобы лично убѣдиться въ справедливости ихъ.

— Но гдѣ же „Ворота“?—спросилъ я киргиза, ничего не различая въ страшной темнотѣ.

— Вотъ она, — промолвилъ онъ, указывая рукой въ пространство,—вонъ тамъ, гдѣ свѣтится...

Я сталъ вглядываться въ темное пространство и вскорѣ, дѣйствительно, увидалъ какой-то мерцающій свѣтъ, который, то угасая, то вспыхивая, повидимому находился еще гдѣ-то далеко отъ насъ.

— Что это, никакъ огонь горитъ тамъ?

— Огонь, огонь, — повторялъ Торгай, не менѣе моего обрадованный. — Тамъ кто-то есть...

Любопытство, смѣшанное съ глубокой радостью, овладѣло мной. Кто могъ тамъ находиться теперь? Вѣроятно, такіе же запоз-

далые путники, какъ и мы, а можетъ быть, даже и европейскіе проѣзжіе, съ которыми можно будетъ подѣлиться нашими взаимными приключеніями. Въ эти радостныя минуты всему хотѣлось вѣрить, но дѣйствительность не замедлила разсѣять всѣ эти предположенія.

По случаю сильнаго разлива намъ нельзя было прямо подъѣхать къ „Воротамъ“, а пришлось повернуть значительно вправо и сдѣлать такимъ образомъ лишній крюкъ. Но зато съ этой стороны огонь, не будучи теперь закрытъ передъ нами отвѣсной стороной горы, далъ возможность еще издали разсмотрѣть этотъ холмъ, слишкомъ рѣзко выступавшій на ровной гладкой поверхности степи. Днемъ этотъ холмъ долженъ быть виденъ путникамъ на значительномъ разстояніи и въ то же время долженъ казаться имъ очень близкимъ. Впрочемъ, это не былъ одинъ холмъ, а цѣлый рядъ холмиковъ или, вѣрнѣе, сопокъ, расположенныхъ одна возлѣ другой въ видѣ полукруга; среди нихъ одна выдѣлялась по своимъ значительнымъ размѣрамъ и по своей высотѣ: вотъ эта-то и были „Дѣвичьи Ворота“.

Благодаря пылавшему костру, который

находился теперь прямо противъ насъ и который горѣлъ внутри холма, эта гора вырисовывалась передо мною во всей своей фантастической формѣ. Она по своему виду вовсе не представляла собой никакихъ воротъ, даже не похожа была на нихъ, и въ этомъ отношеніи незаслуженно пользовалась названіемъ „Воротъ“, которое дали ей киргизы. Она просто представляла огромное зіяющее ущелье, высѣченное причудливой рукою природы, а надъ этимъ ущельемъ, какъ и по бокамъ его, выступали громадныя остроконечныя каменныя глыбы.

Пылавшій внутри этой зіяющей пасти огонь, который то вспыхивалъ, то угасалъ, дѣлалъ этотъ холмъ теперь, ночью, дѣйствительно фантастическимъ, а движущіяся колоссальныя тѣни, образуемыя отъ его выступающихъ остроконечныхъ каменныхъ глыбъ, издали казались пляшущими духами и пугали нашихъ лошадей.

При нашемъ приближеніи къ горѣ, тамъ внутри ущелья, промелкнула какая-то тѣнь, которая также не ускользнула отъ вниманія киргиза.

— Видалъ? Тамъ кто-то пробѣжалъ — спросилъ я его.

— Видалъ.

— Значитъ, тамъ кто-то скрывается отъ насъ,—ступай посмотри.

Мой киргизъ, быстро соскочивъ съ козелъ, неустрашимо пошелъ по направленію ущелья, и я, внутренно упрекая себя въ трусости, нерѣшительно послѣдовалъ за нимъ.

— Кимъ онда, кимъ?—дважды окликнулъ киргизъ, очутившись однимъ прыжкомъ въ ущельи. Но отвѣта не послѣдовало.

Послѣ минутнаго молчанія, оклики „Торгай“, „Далыа“ огласили ущелье. Я поспѣшно вошелъ туда и не безъ изумленія увидалъ, какъ мой возница и какая-то молодая женщина стояли другъ противъ друга „Вотъ оно что!—подумалось мнѣ,—это любовное свиданіе и, вѣроятно, заранѣе условленное“. Но всѣ мои подозрѣнія тотчасъ разсѣялись, какъ только я посмотрѣлъ на нихъ. Они оба стояли другъ противъ друга въ безмолвномъ изумленіи, какъ бы не вѣря своимъ собственнымъ глазамъ. Эта нѣмая сцена вскорѣ, однако, перешла въ громкое и отрывистое рыданіе. Плакали оба одновременно, обнявшись и припадая другъ къ другу головою къ плечу. Это было громкое рыданіе безъ словъ, вопль души двухъ

близкихъ существъ, которыя изливали другъ передъ другомъ свое горе. Давъ такимъ образомъ другъ другу вволю наплакаться, они стали понемногу понижать голосъ и всхлипывать. Первымъ поднялъ голову Торгай и хотѣлъ что-то сказать, но голосъ у него застрялъ въ горлѣ. Подняла голову и Далыа и, утирая слезы, заговорила тихо, спокойно. Я не могъ оторвать глазъ отъ этой юной степнячки. Была ли она красива? О, да. Каждая женщина красива, когда она любитъ, но эта простая степнячка казалась мнѣ верхомъ прелести и граціи. Ея молодое смуглое лицо, покраснѣвшее отъ слезъ, выражало глубокую грусть, ея черные глаза блестѣли отъ невысохшихъ еще слезъ, и отъ всей ея фигуры вѣяло такой прелестью, такой жизнью и такой грустью, что она трогала и увлекала въ одно и то же время.

Голосъ ея, несмотря на слезы, которыя струились изъ ея глазъ, былъ твердъ, ясенъ и отличался звучностью. О чемъ она говорила съ нимъ я этого не понималъ, но въ ея взорѣ было столько мольбы, столько кротости и столько любви, что смыслъ ея словъ мнѣ казался ясенъ. Въ немъ можно

было видѣть, какъ молодая жизнь безотчетно отдавалась этому киргизу, просила о взаимности и билась на его груди, трепетно ожидая рѣшенія своей участи. А онъ? Онъ въ это время стоялъ передъ ней неподвижно и, казалось, ловилъ каждое ея слово. Его безбородое лицо выражало умиленіе. Крупная слеза, скатившаяся изъ его глазъ, застыла у него на щекѣ. Понималъ ли этотъ простакъ все счастіе, которое ожидало его? Судя по отрывочности его рѣчи и убѣдительности его тона, съ которымъ онъ потомъ заговорилъ съ дѣвушкой, нельзя было притти къ другому заключенію. Я не узналъ моего киргиза, котораго считалъ до сихъ поръ безсловеснымъ существомъ. Откуда у него слова взялись? Его рѣчь была такъ звучна и такъ гармонична, что я, несмотря на то, что ничего не понялъ въ ней, заслушался ею. Только два слова, которыми онъ закончилъ свою порывистую рѣчь и которыя отличались страстной мольбою, остались мнѣ памятными до сихъ поръ. Эти слова были:

— Оле-да?

— Оле-да!—послѣдовалъ на нихъ отвѣтъ съ ея стороны.

И едва эти слова были произнесены Далыаой, мой возница, который за все время, пока длилась эта сцена, даже не обращалъ на меня вниманія, какъ будто меня здѣсь не было, вдругъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Мой кизъ, мой невѣста, — пояснилъ онъ.

Я молчалъ, не зная, что сказать ему.

— Хочетъ ѣхать..,

— Куда ѣхать?—спросилъ я.

— Симипалатински ѣхать хочетъ.

Я просилъ моего возницу толкомъ объяснить, въ чемъ дѣло, и узналъ отъ него слѣдующее: онъ давно полюбилъ эту молодую дѣвушку, но, не имѣя возможности уплатить ея отцу должнаго калыма, онъ не могъ заручиться согласіемъ ея родителя на бракъ. Влюбленные, однако, не переставали видѣться время отъ времени и и не теряли надежды, что когда-нибудь смягчится сердце ея алчнаго родителя. Какъ вдругъ молодую дѣвушку какъ-то увидалъ богатый, но старый киргизъ Хорзанъ, раскинувшій свои палатки въ это лѣто близъ ихъ аула. Поспѣшно уплативъ богатый калымъ ея отцу, онъ заручился

его согласіемъ выдать за него Далыа. Отчаяніе дѣвушки было безгранично, и за два дня передъ свадьбой она тайно покинула родительскую юрту и прибѣжала сюда къ этимъ „Дѣвичьимъ Воротамъ“, гдѣ слезами и приношеніями она надѣялась умилостивить великаго духа степи и упросить его, чтобы онъ смягчилъ сердце ея родителя. Духъ, повидимому, услышалъ ея мольбу и послалъ ей Торгая, съ которымъ они тутъ же условились бѣжать въ Семипалатинскъ, гдѣ ихъ тайно обвѣнчаетъ его знакомый ходжей*), послѣ чего они поселятся въ другомъ городѣ, подальше отъ ея отца.

Я, разумѣется, изъявилъ готовность подвезти эту дѣвушку до Семипалатинска.

— Пусть ѣдетъ,—отвѣтилъ я:—въ тарантасѣ хватитъ мѣста и для двоихъ.

— Нѣтъ, „онъ“ со мной на козлахъ поѣдетъ, — отвѣтилъ киргизъ, не глядя на меня.

При первыхъ проблескахъ утренняго іюльскаго солнца мы покинули „Дѣвичьи Ворота“. Какъ ни интересной казалась мнѣ эта степная идиллія, но я былъ очень радъ,

---

*) Ходжей—киргизское духовное лицо.

когда Торгай, теперь довольный и бодрый, сталъ весело подгонять лошадей, и мы вскорѣ очутились на трактѣ. Къ полудню мы уже были въ Семипалатинскѣ, гдѣ я, вознаградивъ моего возницу и пожелавъ ему счастія въ его будущей жизни съ его возлюбленной, разстался съ ними. Дѣла меня задержали здѣсь два дня, и на слѣдующій день рано утромъ, когда я уѣзжалъ, я могъ видѣть, какъ въ то же время покидали городъ два всадника. Это были Торгай и Далыа. Они галопомъ неслись рядомъ по песчаной степной дорогѣ, ведущей къ Бійскому тракту. Я долго смотрѣлъ вслѣдъ этой юной четѣ, мчавшейся куда-то вдаль, чтобы скрыть отъ людей свое счастье, и только тогда потерялъ ее изъ вида, когда она исчезла въ густыхъ облакахъ пыли.

Шомонаевка.

ОЧЕРКЪ.

I.

Несмотря на то, что я ѣхалъ „по-бланку“ *), на почтовой станціи Шомонаевкѣ, Семипалатинскаго уѣзда, лошадей мнѣ не давали.

— Лошадей нѣту, — едва удостоилъ меня отвѣтомъ почтосодержатель: — всѣ лошади въ разъѣздѣ.

И какъ я ни доказывалъ ему, что мнѣ мѣшкать нельзя, что я ѣду по весьма важному дѣлу, что каждая минута мнѣ дорога

*) Бланкъ, или удостовѣреніе, на право пользованія земскими или почтовыми лошадьми.

и что, если меня не отправятъ тотчасъ, я губернатору напишу, самому министру, и что я... я и этимъ не ограничусь; но, несмотря на всѣ мои угрозы, отвѣтъ его былъ все тотъ же:

— Лошадей нѣту-съ, ждите до завтра и поѣдете...

„Ждите до завтра“, легко сказать! Вѣдь я уже второй мѣсяцъ въ дорогѣ, уже восьмыя сутки на однѣхъ только лошадяхъ ѣду и, вѣроятно, столько же времени, если не больше, мнѣ еще придется странствовать по Сибири, а тутъ изволь ждать до завтра!

Правда, я нѣсколько преувеличивалъ, когда сказалъ сгоряча, что мнѣ каждая минута дорога. Человѣку, странствующему по Киргизской степи по собственному желанію и, такъ сказать, отъ нечего дѣлать, каждая минута вовсе ужъ не такъ дорога, но все же не хотѣлось бы мнѣ остаться въ какой-нибудь Шомонаевкѣ цѣлыя сутки. Не говоря уже о томъ, что здѣсь не съ кѣмъ слова промолвить, что не найдешь здѣсь порядочнаго ночлега, не считая комнатки, имѣющейся въ распоряженіи проѣзжихъ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ,

гдѣ заранѣе и сознательно надо было обречь себя на съѣденіе клопамъ и другимъ паразитамъ. Не говоря о всѣхъ этихъ прелестяхъ, и сама мѣстность ужъ очень глухая, красотъ природы никакихъ, ни одного деревца, ни ручейка,—голая степь, да и только...

Но другого исхода рѣшительно не предвидѣлось и волей-неволей пришлось остаться здѣсь до завтра.

— А гдѣ же мнѣ переночевать? — въ сердцахъ спросилъ я почтосодержателя, котораго я считалъ теперь единственнымъ виновникомъ предусматриваемыхъ мною бѣдствій.—Не въ твоей ли конурѣ?..

— Зачѣмъ?.. Помилосердствуйте, наша конура намъ самимъ нужна. Ступайте въ почтовую контору, вонъ тамъ! — сказалъ онъ, указывая черезъ окно. — Видите ли, тамъ, въ концѣ деревни?

До конторы было не совсѣмъ близко, съ версту приблизительно, и я, связавъ свои вещи, сдѣлалъ изъ нихъ два узелка: одинъ, побольше, въ который уложилъ свои путевыя замѣтки и свою коллекцію, собранную мною съ большимъ трудомъ и состоящую изъ различныхъ растеній, травъ, птицъ да

особой породы степной мыши — Sminthus vagus, рѣдкости величайшей, которая нигдѣ кажется, кромѣ Сибири, не встрѣчается; второй—для моего бѣлья и другихъ дорожныхъ принадлежностей. Все это я связалъ вмѣстѣ очень тщательно, перекинулъ черезъ плечо такъ, что большой узелъ очутился на спинѣ, а другой — спереди, на груди, и быстрыми шагами пошелъ впередъ.

Несмотря на начало августа, погода была отвратительная. Небо мѣстами заволакивало тучами, солнце свѣтило угрюмо; угрюмо смотрѣли небольшіе, деревянные домики, лѣпившіеся другъ около друга; со степи дулъ такой сильный, порывистый вѣтеръ, что я долженъ былъ одной рукой придерживать край своего узла, а другой — фуражку, чтобы не лишиться этой необходимой принадлежности туалета, и такимъ образомъ я добрался до почтовой конторы.

Въ сѣняхъ, на полу, устланномъ кошмой, спали три дѣвочки въ возрастѣ отъ пяти до девяти лѣтъ. Онѣ близко лежали другъ возлѣ друга; ихъ черныя головки совершенно касались одна другой, и видно

было, что дѣти больше согрѣвались собственной теплотой, чѣмъ тѣмъ легкимъ стеганымъ одѣяломъ, которое едва прикрывало ихъ.

„Какъ эти киргизеночки не боятся холода,—что значитъ кровь“, подумалъ я, осторожно пробираясь мимо спавшихъ дѣтей, чтобы не разбудить ихъ. Но какъ ни старался я, однако я задѣлъ краемъ своего узла о что-то и до того неловко, что долженъ былъ ухватиться за стоявшій тутъ же деревянный шкапъ, чтобы не потерять равновѣсія и не упасть. Послышался шумъ, дѣвочки проснулись и, къ моему удивленію, заговорили между собою по-русски. Я въ душѣ проклялъ свою коллекцію и свою неуклюжесть, много разъ уже причинявшую мнѣ большія непріятности, и скользнулъ въ комнату.

Молодая женщина встрѣтила меня на порогѣ и, узнавъ о причинѣ моего прихода, указала мнѣ комнату, гдѣ я могъ расположиться. Я сбросилъ, наконецъ, съ себя свои узелки, свободно вздохнувъ, и, чтобы хоть сколько-нибудь развлечься, рѣшилъ пойти осмотрѣть окрестности.

II.

Деревня находилась въ ложбинѣ и была окружена, какъ крѣпость, небольшими возвышенностями, называемыми здѣсь сопками. Онѣ шли рядами, то возвышаясь, то понижаясь, и достигали мѣстами тридцати-саженной высоты и больше. Я направился къ одной изъ нихъ, казавшейся мнѣ довольно близкой, но въ дѣйствительности отстоявшей отъ деревни на разстояніи четырехъ верстъ, какъ я объ этомъ узналъ послѣ.

Я шелъ по ровной мѣстности, покрытой густымъ, высокимъ ковылемъ, съ биноклемъ въ одной рукѣ и толстой палкой въ другой,—единственное оружіе, съ которымъ я объѣздилъ всю Западную Сибирь.

Я достигъ, наконецъ, сопки, взобрался на самую ея вершину и окинулъ взоромъ окружающую мѣстность. Передо мною разстилалась ровная, безконечная степь, гдѣ на разстояніи десятковъ верстъ можно было отличить предметы при помощи бинокля, разумѣется... Вотъ обширное соляное озеро, Калкаманское, кажется, окружность котораго составляетъ десятки верстъ; оно

имѣетъ видъ бѣлоснѣжной поляны, съ блистающими на солнцѣ кристалликами; вонъ тамъ виднѣются отроги Баянъ-Аульскихъ горъ, а вотъ и Ауліэ-Тасъ, священный для киргизъ гротъ, куда со всѣхъ сторонъ круглый годъ стекаются жители степи для исцѣленія отъ своихъ недуговъ, а въ особенности прекрасныя обитательницы этихъ мѣстъ, бездѣтныя киргизки, въ надеждѣ, что мѣстный духъ, услышавъ ихъ молитву, пошлетъ имъ потомство.... Аулы, въ безпорядкѣ разсѣянные на значительномъ разстояніи, издали казались довольно близкими другъ отъ друга. Небольшія юрты, бѣлѣвшія вдали, группировались здѣсь и тамъ. Онѣ не были расположены стройными рядами, не примыкали вплотную другъ къ дружкѣ, наподобіе высокихъ, красивыхъ домовъ нашихъ большихъ городовъ, но, судя по мирнымъ бесѣдамъ, которыя вели между собою обитатели ихъ, вмѣстѣ сидѣвшіе теперь подъ открытымъ небомъ, можно было безошибочно думать, что среди нихъ существуетъ согласіе полнѣйшее... Много ли надо для того чтобы быть счастливымъ?.. Вотъ киргизы „не сѣютъ и не жнутъ“, какъ птицы небесныя, а сыты,

бодры и веселы. У нихъ нѣтъ правильно-организованнаго войска, а о кровопролитныхъ сраженіяхъ и не слыхать; нѣтъ у нихъ полицейскихъ постовъ, а случаевъ грабежа и воровства меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; нѣтъ у нихъ благотворительныхъ учрежденій, и тѣмъ ни менѣе о такихъ лишеніяхъ и о такой гнетущей нищетѣ, въ которыхъ пребываетъ значительная часть населенія большихъ, благоустроенныхъ городовъ, здѣсь понятія не имѣютъ; нѣтъ обществъ трезвости съ цѣлымъ легіономъ членовъ-соревнователей, и тѣмъ не менѣе единственный опьяняющій напитокъ, который киргизы употребляютъ, это—кумысъ; нѣтъ правильныхъ путей сообщенія, ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, нѣтъ ни локомотивовъ, ни экипажей, но, при помощи своихъ быстроногихъ коней, киргизы безпрепятственно и безъ риску ѣздятъ повсюду. Звѣзды небесныя, млечный путь —единственные знаки, своего рода вѣхи, которыми они руководствуются въ своихъ безпрерывныхъ путешествіяхъ по безконечной Киргизской степи.....

Нить этихъ размышленій, навѣянныхъ на меня степью, была прервана легкимъ

шорохомъ, донесшимся до моего слуха. Я инстинктивно обернулся: большая змѣя ползла прямо ко мнѣ. Я нѣсколько растерялся, но тотчасъ поднялъ свою палку, держа ее наготовѣ, чтобы ударить змѣю, когда она совсѣмъ приблизится. Два аиста, взвившись надъ сопкой, кружились на одномъ мѣстѣ. Змѣя вдругъ свернула въ сторону и спустилась со скалы. Я тогда только сообразилъ, что поступилъ необдуманно, что пошелъ сюда безъ провожатаго и пожалѣлъ, что не надѣлъ своихъ длинныхъ сапогъ. Я поспѣшно оставилъ сопку и отправился на станцію.

III.

По моемъ возвращеніи я разсказалъ хозяйкѣ о томъ, что приключилось со мною.

— Да, здѣсь змѣй много,—замѣтила она.

— Какія? Какой онѣ породы?..

— Кто ихъ тамъ знаетъ; знаю только, что онѣ очень ядовиты.

Мы разговорились. Оказалось, что она жена мѣстнаго смотрителя почты, что мужъ ея киргизъ, и что дѣвочки, которыхъ я видѣлъ утромъ,—ея дѣти.

Это была женщина довольно молодая, лѣтъ тридцати, не больше. Красотой она не отличалась, черты ея лица были неправильны, черезчуръ крупны, но все же она очень привлекала къ себѣ, что, вѣроятно, объяснялось умнымъ и добрымъ выраженіемъ ея глазъ. Она говорила совершенно правильно, ясно, отчетливо произнося каждое слово. Видно было по всему, что она „не простая“.

„Но что заставило ее выйти замужъ за киргиза,—думалось мнѣ. Развѣ „своихъ“ мало... Дай-ка спрошу ее, все равно, будь что будетъ“...

Любопытство—общая черта, свойственная нашему брату, туристу.

Вопросъ мой, сверхъ ожиданія, вовсе не показался ей обиднымъ: она сама, повидимому, не прочь была поговорить о себѣ.

— Вы спрашиваете, что заставило меня выйти замужъ за киргиза... Причина весьма простая,—та, по которой большинство русскихъ дѣвушекъ нашего класса выходитъ замужъ: нашелся женихъ, сдѣлалъ предложеніе,—вотъ и выходишь. Единственныя качества, которыя требуются отъ будущаго мужа, это то, чтобы онъ не пилъ и не

слишкомъ билъ бы свою жену... А, къ слову сказать, сколько моя покойная матушка натерпѣлась отъ моего отца, страсть!.. Онъ „безо-время“ въ гробъ вогналъ ее; насъ, дѣтей, совсѣмъ замучилъ, а самъ безъ вѣсти гдѣ-то пропалъ... Относительно Рахима,—киргизское имя моего мужа Рахимъ,—я могла быть въ этомъ отношеніи совершенно спокойна... Такъ что однихъ этихъ качествъ было бы достаточно, чтобы сдѣлаться его женой... Однако, у насъ съ нимъ дѣло вышло нѣсколько иначе... А вотъ какъ. Мы почту держали, на одной изъ станцій Павлодарскаго уѣзда, и я, какъ единственное грамотное лицо въ нашемъ семействѣ—я окончила сельское училище—исполняла обязанности почтоваго старосты: записывала и расписывалась въ книгахъ, выдавала квитанціи въ полученіи прогонныхъ и пр.

— Наша мѣстность была самая глухая, еще хуже Шомонаевки, куда! На пятьдесятъ верстъ кругомъ жилого дома не встрѣтишь, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ новаго лица не увидишь, развѣ какой нибудь чиновникъ проѣдетъ по казеннымъ надобностямъ. Единственный нашъ посѣтитель

былъ почтальонъ-киргизъ, разъ въ недѣлю, по средамъ, пріѣзжавшій къ намъ съ почтой, слѣдовавшей изъ Павлодара въ Семипалатинскъ; онъ охотно засиживался у насъ и разсказывалъ о всѣхъ новостяхъ, слышанныхъ имъ въ обоихъ этихъ городахъ. Но особенное вниманіе онъ выказывалъ мнѣ, сообщалъ мнѣ различныя подробности о своей службѣ, о томъ, что его хотѣли перевести въ другой городъ съ повышеніемъ, но онъ не согласился, и однажды онъ даже привезъ мнѣ изъ города какіе-то подарки, отъ которыхъ я отказазалась, къ его великому огорченію.

Его ухаживаніе за мной было замѣчено нашими сосѣдями, и они нѣсколько подтрунивали надъ этимъ.

— „Ты знаешь, Глаша“,—говорили они мнѣ,—„Рахимъ хочетъ за тебя посвататься: того гляди, въ одно прекрасное утро сватовъ пришлетъ“.

И они въ шутку прозвали его моимъ женихомъ. Я привыкла къ этимъ шуткамъ и уже не обращала на нихъ вниманія, и бывало, когда услышу звонъ бубенчиковъ приближающейся почты, шутя говорила про себя: „Вотъ женихъ ѣдетъ“.

Однажды въ среду мы по обыкновенію ожидали почту. Лошади уже были выведены, тарантасъ приготовленъ, самоварчикъ и закуска на столѣ, все какъ слѣдуетъ, но ни почты, ни Рахима нѣтъ.

— Что за причина?—повторяли мы всѣ.—Вотъ уже три года, какъ Рахимъ ѣздитъ къ намъ съ почтой и ни разу не случилось, чтобы онъ запоздалъ; скорѣе наоборотъ, къ намъ онъ большею частью пріѣзжалъ раньше времени, чтобы имѣть возможность дольше остаться у насъ, какъ неоднократно говорилъ мнѣ объ этомъ; а тутъ вотъ прошло уже два часа, три,—четыре, наконецъ, а его нѣтъ да нѣтъ.

Только поздно вечеромъ, часовъ около восьми, вмѣсто обыденныхъ двухъ часовъ дня, почта наконецъ пришла, но съ ней не было Рахима, а какой-то другой почтальонъ. И не успѣли мы спросить его, что случилось съ Рахимомъ, какъ онъ самъ сказалъ намъ:

— Представьте, какую штуку выкинулъ киргизъ: онъ вдругъ отказался отъ должности и ни за что не хотѣлъ поѣхать съ сегодняшней почтой. „Не поѣду, да не поѣду“,—твердилъ онъ.—„Не могу, боленъ,

увольте со службы“... И чудакъ же какой: нашелъ время, когда объ этомъ заявить: за часъ передъ отходомъ почты! Да вообще онъ какъ-то странно сталъ вести себя послѣднее время: ни съ кѣмъ не говоритъ, ходитъ мрачный такой, словно рехнулся... Впрочемъ, шутъ съ нимъ, дайте-ка чайку, напьюсь, и маршъ въ дорогу, почта и безъ того сильно запоздала.

Я не сомкнула глазъ всю ночь и все думала о Рахимѣ. Я сама еще тогда не подозрѣвала, насколько я уже привыкла къ нему.

IV.

Прошло два мѣсяца, въ теченіе которыхъ о Рахимѣ не было ни слуха, ни вѣсти.

Вдругъ однажды, поздно ночью, слышу, кто-то ходитъ взадъ и впередъ мимо окна той комнаты, въ которой я спала. Я за послѣднее время сдѣлалась очень чуткой, сама не знаю отчего. Прислушиваюсь: шаги становятся все явственнѣе, учащеннѣе, а то вдругъ совсѣмъ прекращаются, словно застываютъ на одномъ мѣстѣ у самаго окна. Я, знаете, долго не думая, открываю окно

и что же вижу?.. Передо мною стоитъ Рахимъ, блѣдный, блѣдный, чуть живой.

— Что съ тобою, Рахимъ?—вырвался у меня вопросъ.

— Глафира Антоновна, — пробормоталъ онъ порывисто, устремивъ на меня печальный взоръ.

Опасаясь, чтобы нашъ разговоръ не разбудилъ спавшихъ въ сосѣдней комнатѣ ребятишекъ брата, а можетъ быть, не желая, чтобы самъ братъ услыхалъ насъ, я притворила окно, накинула на себя платокъ, тихонько вышла изъ комнаты и, направившись къ Рахиму, сдѣлала ему знакъ слѣдовать за собою.

Когда мы отошли отъ дома, я повторила свой вопросъ:

— Какъ ты измѣнился, бѣдный Рахимъ...

— Глафира Антоновна, Глафира Антоновна,—могъ онъ только промолвить,—я боленъ... боленъ вами... Вотъ уже два мѣсяца, какъ я васъ все вижу передъ собой куда ни пойду, наяву ли, во снѣ ли... Нѣтъ, не во снѣ, добавилъ онъ, остановившись и глубоко вздохнувъ.—Съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ ѣздить къ вамъ

съ почтой, сонъ бѣжитъ меня, и только я закрою глаза,—вы тутъ, и сна уже больше нѣтъ... Я обѣгалъ всю степь, переходилъ китайскую границу и нигдѣ мѣста не нахожу себѣ... Но всему этому, вѣроятно, будетъ конецъ... Воть уже по ночамъ, кажется мнѣ, что слышу шопотъ вокругъ себя,—это духи совѣщаются обо мнѣ; слышу, какъ они произносятъ мое имя,—это они меня зовутъ.....

Онъ неподвижно стоялъ предо мною, освѣщенный блѣднымъ свѣтомъ луны, отчего лицо его казалось еще блѣднѣе, еще печальнѣе, а слезы одна за другой струились изъ его глазъ и падали на сухую песчаную степь.

Сердце мое сжималось отъ состраданія къ нему, у меня самой навертывались на глаза слезы, но я сознавала все свое безсиліе помочь ему.

— Но что я могу сдѣлать для тебя, мой бѣдный другъ?..

— Глафира Антоновна, если бы вы только захотѣли, одно ваше слово—не взойдетъ солнце и счастливѣе Рахима не будетъ въ степи... Но знаю, что это невозможно: русскіе считаютъ насъ, киргизъ, недостойны-

ми себя... Я—манапъ *), Глафира Антоновна. У моего отца тысячи головъ разнаго скота пасутся въ окрестностяхъ нашихъ палатокъ, аулъ изъ двѣнадцати юртъ составляетъ собственность его владѣній; няньки и мамки съ ранней молодости окружали мою колыбель, и я засыпалъ подъ звуки ихъ сладкихъ пѣсенъ... Мать ежегодно приносила въ жертву Таксыру, великому духу степи, столько барановъ, сколько лѣтъ исполнялось мнѣ... Моя мать умерла, и мой отецъ, уплативъ за дочь батыра Сомана Сатубалдина трижды сорокъ семь лошадей, столько же овецъ и барановъ, двѣнадцать верблюдовъ, ввелъ ее въ палатку моей матери. Съ тѣхъ поръ грусть охватила меня; я покинулъ наши юрты и нашъ аулъ, думая, что никогда больше не вернусь туда... А пришлось еще разъ побывать тамъ: я призывалъ тѣнь моей матери...

Рахимъ смолкъ и, замѣтивъ вдругъ мою тѣнь, отбрасываемую луной, опустился на землю и сталъ цѣловать ее, глотая песокъ степи.

---

*) Манапъ—потомокъ киргизскаго знатнаго рода.

— Дай мнѣ умереть здѣсь—бормоталъ онъ, тихо плача.

Такая любовь пугала и трогала меня въ одно и то же время... Я протянула ему руку и помогла ему встать.

— Милый Рахимъ, я не стою твоей любви. Дѣвушка изъ твоей среды лучше сумѣетъ оцѣнить твою привязанность. Возвращайся на твою родину, къ той природѣ и къ той жизни, гдѣ ты выросъ и гдѣ тебя ожидаетъ счастье. Что можетъ дать манапу бѣдная русская дѣвушка?..

— Что въ сравненіи съ тобой всѣ кызъ и катыны *) степи?.. Съ твоей рѣчью не можетъ сравниться мудрость всѣхъ нашихъ біевъ **)... Въ твоихъ очахъ — все счастье Рахима... Мы вмѣстѣ съ тобою обитаемъ полдень родной степи, гдѣ такъ привольно, такъ хорошо... Великолѣпное зрѣлище восхода солнца ждетъ нашего пробужденія. Многочисленныя стада пасутся вблизи нашихъ палатокъ... Мѣстомъ постоянныхъ прогулокъ, служатъ намъ горы и долы, гдѣ только ты да я... Въ журчаніи

---

*) Кызъ и катынъ—дѣвушки и женщины.

**) Бій—старѣйшина и судья у киргизовъ.

горныхъ потоковъ услышимъ мы таинственный говоръ этихъ хрустальныхъ водъ. Закатъ напомнитъ намъ о нашемъ мирномъ снѣ... Ахъ,—промолвилъ онъ со вздохомъ, какъ бы опомнившись,—все это только при тебѣ возможно, когда ты тутъ... При тебѣ все это живетъ, и я живу,—безъ тебя все мертво... Будь при мнѣ, Глафира, будь моей женой...

— Безумецъ, но ты забываешь, что я—христіанка, а ты—мусульманинъ... Я никогда не рѣшусь соединить своей судьбы съ человѣкомъ другой вѣры и никогда не измѣню вѣрѣ отцовъ моихъ, никогда, слышишь ли, никогда!

— Всемогущій Аллахъ проститъ мнѣ мое великое прегрѣшеніе, если я приму твою вѣру; въ слезахъ и горячей молитвѣ я испрошу себѣ прощенія... Не покидай меня!..

Мы шли рядомъ, углубляясь въ степь, и теперь только я замѣтила, насколько я была далеко отъ нашего дома. Уже разсвѣтало,—и едва первые лучи утренняго солнца загорались на востокѣ, какъ мы уже приближались къ отрогамъ Баянъ-Ульскихъ горъ.

Я бросила взглядъ на своего спутника.

Блѣдный, усталый съ блуждающимъ взоромъ, онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ меня, и въ эту минуту онъ казался мнѣ такимъ трогательнымъ, проникнутымъ такой глубокой печалью, что я не знала на что рѣшиться: остаться ли мнѣ съ Рахимомъ, чтобы навсегда соединить свою судьбу съ нимъ, или покинуть его, вполнѣ сознавая, что, быть можетъ, онъ этого не переживетъ, и возвратиться въ домъ брата моего, къ своей прежней жизни, къ своимъ почтовымъ книгамъ,—и я предпочла остаться.

Нѣтъ словъ передать вамъ, что произошло съ нимъ, когда онъ услыхалъ о моемъ рѣшеніи. Онъ схватилъ меня въ свои объятія, побѣжалъ со мною по степи, неся меня на рукахъ, какъ ребенка, цѣловалъ край моего платья, мои ботинки, плакалъ и смѣялся въ одно и то же время и шепталъ какія-то непонятныя для меня слова. И я сама поддалась этому чувству: оно невольно сообщается, и не знала, что происходило со мною въ эту минуту...

V.

Въ тотъ же день я извѣстила брата, что ушла съ Рахимомъ, что мы съ нимъ скоро

обвѣнчаемся, какъ только Рахимъ будетъ просвѣщенъ въ нашей православной вѣрѣ, что жить пока мы будемъ у родителей Рахима; я прибавила, чтобы онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ разыскивать меня, такъ какъ домой я все равно больше не вернусь, что мое рѣшеніе безповоротно.

Отецъ Рахима принялъ меня привѣтливо и далъ намъ нѣсколько коровъ, овецъ и лошадей, двѣ юрты, лѣтнюю и зимнюю, и все, что необходимо для неприхотливой жизни и несложнаго киргизскаго хозяйства.

Не желая быть стѣсненными близкимъ сосѣдствомъ киргизъ, съ бытомъ которыхъ я еще тогда мало была знакома, мы съ Рахимомъ рѣшили поселиться гдѣ нибудь подальше отъ ихъ ауловъ и гдѣ, кромѣ того, я могла бы на свободѣ подготовлять его къ христіанской религіи.

Я не хотѣла насиловать его религіозныхъ убѣжденій, а желала, чтобы онъ проникся духомъ нашей православной вѣры и любовью къ ней. И я достигла этого. Надо было видѣть, какъ Рахимъ и я, стоя на колѣняхъ обращенные къ востоку—иконъ тогда у насъ еще не было, такъ какъ я

ничего не захватила изъ дому—какъ мы вмѣстѣ, молясь Всевышнему, произносили молитву Господню.

— „Глафира,—говорилъ онъ мнѣ въ эти минуты“,—у насъ нигдѣ нѣтъ такой молитвы, какъ та, которой ты научила меня, какъ во всей степи нѣтъ другой Глафиры. Ты прекрасна, какъ восходящее солнце, ты добра какъ добрый духъ этихъ мѣстъ; ты пожалѣла меня и согласилась сдѣлаться моей женою. Что былъ бы Рахимъ безъ тебя?... Его душа давно блуждала бы среди уединенныхъ скалъ Баянъ-Аульскихъ горъ“ *)...

Дни шли за днями, и мы не замѣтили какъ лѣто прошло. Надо было заботиться о нашемъ зимнемъ жилищѣ. Зимняя юрта не многимъ отличается отъ лѣтней. Она сдѣлана нѣсколько плотнѣе и лучше, и больше обита кошмой, какъ снаружи такъ и внутри, и въ этомъ отношеніи намъ не пришлось дѣлать большихъ приготовленій. Главная перемѣна, которая тогда происхо-

---

*) По вѣрованіямъ киргизовъ, душа безбрачно-умершихъ людей долгое время блуждаетъ по уединеннымъ мѣстамъ, раньше, чѣмъ попадетъ въ рай.

дить въ жизни степняка, это то, что ему приходится переселиться въ другое мѣсто, поближе къ югу, гдѣ его скотъ могъ бы прозимовать на подножномъ корму.

Жизнь въ юртѣ въ зимнее время не имѣетъ тѣхъ прелестей, какъ лѣтомъ. Ночи слишкомъ продолжительны, холодъ даетъ себя чувствовать, и приходится постоянно поддерживать огонь въ юртѣ, что при отсутствіи въ ней печей не совсѣмъ удобно. Кромѣ того, и скотъ зимой требуетъ больше ухода, потому еще, что въ это время онъ, обыкновенно, даетъ приплодъ. Все это, само собою, требуетъ много хлопотъ и много времени.

Видя однажды, какъ я нѣсколько засуетилась въ дѣлахъ хозяйскихъ, Рахимъ почему-то вообразилъ, что я скучаю. Онъ сразу измѣнился въ лицѣ.

— А,—промолвилъ онъ,—я виновникъ всѣхъ твоихъ бѣдствій, я насильно вырвалъ тебя изъ твоего родного дома, гдѣ ты не вѣдала никакихъ заботъ... Послушай, Глафира, продадимъ скотъ и все прочее наше имущество, бросимъ степь и переселимся въ какой нибудь городъ, въ какой только пожелаешь.

Я увѣряла его, какъ могла, что прекрасно чувствую себя въ степи, и онъ нѣсколько успокоился.

VI.

Прошло около четырехъ лѣтъ. Въ продолженіе этого времени у насъ родились три дѣвочки, которыхъ вы, быть можетъ замѣтили. Онѣ—настоящія степнячки и великолѣпно говорятъ по-киргизски. Наша жизнь текла тихо и счастливо, стада наши увеличивались, и мы ежегодно могли продавать нѣсколько головъ скота. Я почти уже свыклась съ жизнью въ степи, меня только мучила мысль, что дѣти мои еще не были крещены, хотя всѣ они умѣли молиться и носили крестики.

Не знаю, сколько еще прожили бы мы въ степи, если бы насъ не постигло неожиданное несчастье: все наше имущество сгорѣло до тла. Видно, Бога я разгнѣвала своей нехристіанской жизнью. Вотъ какъ это случилось. Киргизы имѣютъ обыкновеніе осенью пускать палы *), и однажды

*) Киргизы осенью пускаютъ палы по старой высохшей травѣ, полагая, что на этихъ мѣстахъ весною ско-

огонь застигъ насъ врасплохъ и уничтожилъ все, что у насъ было: скотъ, юрты и всѣ наши вещи; мы сами едва спаслись... Ничего не оставалось, какъ переселиться въ Семипалатинскъ, ближайшій отъ насъ городъ, и пристроиться тамъ, что мы и сдѣлали.

По нашемъ пріѣздѣ туда, первымъ моимъ дѣломъ было отправиться къ священнику и разсказать ему всю свою исторію. Батюшка немного пробралъ меня за то, что дѣти и мужъ такъ долго оставались внѣ христіанства, но не былъ слишкомъ строгъ ко мнѣ, и въ тотъ же день онъ окрестилъ ихъ всѣхъ. Мужу моему онъ далъ имя Іоаннъ (былъ праздникъ св. Іоанна Богослова), Іоаннъ Іоанновичъ Илюбаевъ; дѣти же остались при тѣхъ же именахъ, которыми я назвала ихъ, при ихъ рожденіи: Любовь, Вѣра, Надежда. Вскорѣ послѣ этого онъ насъ повѣнчалъ.

Мой мужъ обратился къ своему прежнему начальству съ просьбой опредѣлить

рѣе вырастетъ трава. Палы нерѣдко причиняютъ большія бѣдствія жителямъ степи, уничтожая ихъ скотъ и имущество.

его на должность. Начальство, хорошо помня его прежнюю безупречную службу, дало ему мѣсто смотрителя въ Шомонаевской почтовой конторѣ, куда мы тотчасъ же и переѣхали.

Все идетъ хорошо, слава Богу. Семья наша съ каждымъ годомъ увеличивается, насъ семеро теперь, понемногу и хозяйствомъ обзаводимся, дружно живемъ съ сосѣдями, которые теперь даже полюбили мужа. Первое же время они нѣсколько чуждались его, сильно сомнѣваясь при томъ въ искренности его религіозныхъ чувствъ, и въ церкви такъ и посматривали на него: какъ, молъ крестится, какъ земные поклоны кладетъ и какъ къ благословенію подходитъ. Повѣрите ли, иногда досадно становилось за нашихъ. Я вамъ еще больше скажу, что Ѳедя, родной братъ мой, и тотъ долгое время въ своихъ письмахъ ко мнѣ, иначе не называлъ мужа, какъ „нехристью“...

Она вдругъ смолкла, такъ какъ въ это время отворилась дверь, и въ комнату вошелъ незнакомый мнѣ мужчина.

— А вотъ и мужъ мой,—сказала она.

Это былъ бойкій малый, немного ниже

средняго роста, на видъ еще очень молодой. Его изжелта-смуглое лицо улыбалось.

А я почему-то представлялъ его себѣ совсѣмъ другимъ.

— Очень пріятно,—промолвилъ я, чтобы что нибудь сказать ему.—Получу ли лошадей завтра, не знаете?

— Получите,—отвѣтилъ онъ,—непремѣнно получите.

Рано утромъ слѣдующаго дня мнѣ подали лошадей, и я уѣхалъ.

По Оби.

I.

Снова на пароходѣ, снова на водѣ и на этотъ разъ на Оби, замѣчательнѣйшей изъ судоходныхъ рѣкъ.

Долженъ признаться, что четырехнедѣльное скитаніе по безконечной Киргизской степи, на „прославленныхъ“ почтовыхъ лошадяхъ и въ обществѣ одного только ямщика-киргиза, нѣсколько надоѣло мнѣ.

Больше всего непріятно дѣйствуетъ совершенное незнаніе мѣстности, по которой приходится ѣхать, полнѣйшее невѣдѣніе о томъ, получишь ли лошадей на слѣдующей станціи, что исключительно зависитъ

отъ доброй воли (почтосодержателя, и въ добавокъ ко всему этому, отсутствіе питательной пищи и болѣе или менѣе сноснаго ночлега...

Но все это уже въ области преданія, и я теперь нахожусь на пароходѣ, гдѣ имѣется хорошій столъ, гдѣ можно спать въ постели, раздѣвшись, какъ слѣдуетъ, гдѣ есть общество людей и гдѣ, слѣдовательно, есть съ кѣмъ слово промолвить. Я за это время чуть было не разучился говорить.

Насъ, пассажировъ, въ первомъ классѣ пока немного: человѣкъ десять, но по дорогѣ еще прибудетъ. Капитанъ говоритъ, что потомъ „мѣстовъ“ не хватаетъ. Надо поторопиться и занять каюту и лечь спать,— впервые послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ мною въ степи.

II.

Семь часовъ утра. Мы всѣ на палубѣ,— ждемъ не дождемся отвала парохода. Хочется скорѣе взглянуть на эти гигантскія Алтайскія горы, хоть издали, и ознакомиться съ Обью.

Пароходъ трогается, выходитъ изъ пристани. Городъ Бійскъ остается позади насъ и нашему взору представляется величественный Алтай.

Всѣ бинокли устремлены на него. Вершина его окутана облаками, и видна только часть горы. Но вотъ вырисовывается новая гряда горъ. Онѣ идутъ съ юга на западъ, параллельно другъ другу. Вотъ еще и еще, однѣ выше другихъ. О, какіе гиганты!

Нашъ пароходъ все удаляется отъ нихъ и по мѣрѣ его удаленія горы становятся отчетливѣе, виднѣе; тучи, покрывавшія ихъ, постепенно разсѣиваются, и теперь видны ихъ бѣлоснѣжныя вершины. Онѣ не покидаютъ насъ почти до самаго города Барнаула.

III.

Мы пользуемся трехчасовой остановкой парохода и идемъ осмотрѣть Барнаулъ.

Городъ не великъ, разбросанъ и ничѣмъ не отличается отъ другихъ городовъ Западной Сибири. Всѣмъ этимъ городамъ недостаетъ одного и самаго главнаго: жизнен-

ности или связывающаго звена между ихъ жителями. И все это отъ того, что здѣсь—все случайные люди, которые попали сюда или въ силу необходимости, или по обязанностямъ службы, но которые, такъ или иначе, считаютъ свое пребываніе здѣсь временнымъ, вынужденнымъ, и ничего дѣлать не хотятъ для города. Вслѣдствіе этого между обывателями нѣтъ общихъ интересовъ, соединяющихъ, и въ результатѣ страшнѣйшая скука и неизбѣжная спутница ея—водка...

Кстати о водкѣ. И у насъ въ Европейской Россіи пьютъ и довольно основательно; пьютъ при всякихъ торжественныхъ и неторжественныхъ случаяхъ, ищутъ случая, чтобы выпить, но здѣсь пьютъ безъ всякихъ случаевъ, во всякое время дня и ночи,—пьютъ всѣ: и мужчины, и женщины, и малолѣтки.

Вотъ этимъ, то-есть отсутствіемъ общихъ интересовъ, объясняется неблагоустроенность сибирскихъ городовъ, ограниченность учебныхъ заведеній, неимѣніе органовъ печати и всего того, чѣмъ живетъ всякое культурное общество.

IV.

Мы напрасно спѣшили на пароходъ, предполагая, что согласно расписанію, ему ужъ пора отплыть. Какое! На пароходѣ и не думаютъ объ этомъ. Капитанъ пошелъ даже немного „вздремнуть“, а здѣсь всѣмъ извѣстно, что значитъ на языкѣ нашего капитана вздремнуть: это обозначаетъ часика три поспать на одномъ бочку, да столько же и на другомъ. Ему необходимо „отдохнуть“ днемъ, твердитъ намъ капитанъ, крайне необходимо, въ виду того, что ему приходится всю ночь простоять на дежурствѣ, но въ дѣйствительности намъ всѣмъ извѣстно, что онъ и ночью преспокойно спитъ у себя въ каютѣ.

На пароходѣ тѣмъ временемъ идетъ нагрузка товаровъ. Грузятъ женщины, молодыя дѣвушки и даже подростки, но мужчины почему-то не занимаются здѣсь этимъ дѣломъ. Впрочемъ, вотъ мужчина, одинъ-единственный, который тоже принимаетъ участіе въ нагрузкѣ и который везетъ на тачкѣ изъ пакгауза на пароходъ два тюка съ товаромъ, но онъ находится въ такомъ состояніи, что рѣшительно не знаетъ, кто

кого везетъ: онъ ли тачку, или тачка его; но вотъ тачка его какъ-то пошла не по трапу, скользнула мимо: и возчикъ, и тюки, и тачка, все полетѣло въ воду...

На пристани переполохъ. Бросаютъ въ воду спасательный кругъ, опускаютъ багры. Вотъ, наконецъ, выплылъ утопленникъ. Его лицо блѣдно и глупо улыбается. Онъ хватается за спасательный снарядъ, и его кое-какъ вытаскиваютъ изъ воды. Это недобровольная ванна нѣсколько отрезвляетъ его, и онъ только теперь соображаетъ, что когда самъ бываешь „нагруженъ“, никогда не слѣдуетъ грузить пароходъ. И „утопленникъ“, нѣсколько удивленный, покидаетъ пристань, оставивъ на днѣ рѣки тачку и тюки съ товаромъ.

V.

Отвалъ нашего парохода такъ-таки и не состоялся въ тотъ день, а только на слѣдующій. Но мы мало отъ этого проиграли, такъ какъ все время лилъ дождь. Зато сегодня какая чудная погода. Термометръ показываетъ 16° Р. Солнце сіяетъ во всемъ блескѣ. Дуетъ пріятный вѣтерокъ.

Алтайскія горы уже давно скрылись отъ нашихъ взоровъ. Но зато какой великолѣпный видъ на Обь! Эта рѣка во многомъ отличается отъ Иртыша. Она не струится змѣйкой, какъ ея сосѣдка, не стремится такъ быстро и шумно, какъ она и не врѣзывается дугою въ берега, а течетъ плавно, мощно, словно сознавая свою силу, свое значеніе.

Какое множество острововъ на Оби! Цѣлый лабиринтъ. Всѣ поросли густымъ кедровымъ лѣсомъ, и издали они кажутся пловучими, таинственными.

И какой надо имѣть навыкъ, чтобы оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ острововъ. Навыкъ этотъ пріобрѣтается десятками лѣтъ. Не удивительно, что на сибирскихъ рѣкахъ такъ дорожатъ опытными лоцманами.

Вотъ какая-то черная точка отдѣлилась отъ одного изъ острововъ. Она двигается и прямо направляется на нашъ пароходъ. Капитанъ берется за зрительную трубу, мы—за бинокли и видимъ, что какая-то фигура скользитъ на крошечной лодкѣ, которая то поднимается, то опускается, а то совсѣмъ теряется въ волнахъ рѣки.

Капитанъ даетъ свистки, дѣлаетъ ей

знаки остановиться, нѣсколько умѣряетъ ходъ своего судна, но пловецъ не обращаетъ никакого вниманія на нашъ пароходъ и неустрашимо пересѣкаетъ волны на своей крошечной лодочкѣ, направляясь къ противоположной сторонѣ. Вотъ онъ достигъ берега, вытащилъ свою лодку изъ воды, поднялъ ее на плечо и скрылся съ ней въ густую чащу лѣса.

— Это остякъ,—объясняетъ намъ капитанъ.—Здѣшніе остяки чувствуютъ себя такъ свободно на водѣ, какъ утки. А видѣли, какъ онъ понесъ свою лодку? Какъ перышко. Но не удивляйтесь: въ ней всего вѣсу фунтовъ пятнадцать-двадцать, самое большое. Она сдѣлана изъ бересты, и только одни остяки могутъ держаться въ нихъ на водѣ. Наши матросы, сколько ни пробовали, не могли и трехъ аршинъ отплыть отъ берега: какъ сядутъ въ лодку—она тотчасъ вверхъ дномъ, и пловцы бултыхъ въ воду.

VI.

Все чаще и чаще попадаются навстрѣчу остяки, которые неустрашимо снуютъ на своихъ „душегубкахъ“, и какъ только за-

мѣтятъ, что нашъ пароходъ пристаетъ къ берегу, они тутъ какъ тутъ, словно изъ-подъ воды вынырнули. И каждый разъ они являются съ какими-нибудь продуктами: рыбой, битою птицей, лѣсными ягодами и пр., которые предлагаютъ пассажирамъ или матросамъ въ обмѣнъ на другіе предметы. Вотъ одинъ принесъ полное лукошко рыбы: стерлядей, нельмы и муксуновъ,—въ общемъ пуда три. Онъ проситъ за все это четверть водки, и рыба остается у буфетчика.

Къ пароходу подплыли еще три остяка, всѣ родные братья; они такъ поразительно похожи, что ихъ легко можно принять одного вмѣсто другого, несмотря на то, что между ними существуетъ большое различіе въ возрастѣ.

Они всѣ босикомъ, въ разорванныхъ платьяхъ, съ длинными волосами до плечъ, и на головѣ нѣчто въ родѣ шапки.

— Какъ васъ зовутъ, черти? безцеремонно спрашиваетъ ихъ капитанъ.

— Авраамъ, Исаакъ, Яковъ, — отвѣчаютъ они, одновременно выкрикивая свои имена, и этотъ отвѣтъ вызываетъ общій смѣхъ.

— Кто вамъ далъ такія имена? спрашиваетъ кто-то.

— Какъ кто? Русскій попъ.

Оказывается, что они крещены и живутъ въ ближайшемъ селеніи.

— А въ церковь ходите?

— Тутъ на сто верстъ кругомъ церкви нѣтъ.

— Ну, гдѣ же вашъ товаръ? Показывайте скорѣй.

У Авраама и Исаака имѣются ягоды и кедровый орѣхъ, которые тотчасъ обмѣниваются матросами на хлѣбъ и водку, а у Якова — гусиное перо, которое находится у него въ кожаномъ мѣшкѣ. Перо хорошее, бѣлое, онъ показываетъ его, пусть всѣ смотрятъ, кто желаетъ. Изъ него можно сдѣлать одну большую подушку или двѣ маленькія.

— А сколько хочешь за перо?

— Дэнэгъ ничего не хочу — отвѣчаетъ остякъ,—рубаху хочу.

Что ему дѣлать здѣсь, въ этой глуши, съ деньгами, которыя ему предлагаютъ за перья? Нѣтъ онѣ ему не нужны.

Въ это время къ нему подходитъ жена масленщика съ грудным ребенкомъ на

рукахъ и въ сопровожденіи двухъ другихъ мальчиковъ, которые держатся за ея платье. Она объявляетъ, что хочетъ купить перо, только у нея нѣтъ рубахи, а есть штаны мужнины, разумѣется.

— Давай штаны, соглашается остякъ,— Якову и штаны нужны.

Сдѣлка совершается молча, торжественно. Яковъ передаетъ масленщицѣ перо, предварительно выговоривъ, что кожаный мѣшокъ ему долженъ быть возвращенъ обратно, и получаетъ свернутые въ видѣ свертка штаны. И теперь каждая сторона приступаетъ къ осмотру пріобрѣтеннаго.

Масленщица, повидимому, осталась довольна своимъ перомъ, и поспѣшно, направляется къ пароходу.

Обозрѣваетъ и остякъ свою покупку. Онъ бережно развертываетъ штаны и внимательно осматриваетъ ихъ. Остякъ сталъ попеременно переворачивать брюки то на одну, то на другую сторону, и взглядъ его случайно упалъ на собственные штаны, которые были на немъ. „Они не хуже вновь пріобрѣтенныхъ, и стоило ли отдавать за нихъ свое перо“, думалъ онъ вслухъ, покачавъ головой. Бѣдный Яковъ! онъ толь-

ко теперь замѣтилъ, что его кругомъ обманули. Но сдѣлка сдѣлана, и все пропало. Не требовать же обратно свое перо,—это было бы ужъ совсѣмъ не по-коммерчески, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ ему возвращается кожаный мѣшокъ, и на этотъ разъ не масленщицей, а самимъ масленщикомъ. И Яковъ, сдержавъ вздохъ, опускаетъ штаны вмѣстѣ съ пустымъ мѣшкомъ на дно своей лодки.

VII.

Вечеръ. Мы подплываемъ къ Прохоркинскимъ юртамъ. Это небольшое остяцкое селеніе, расположенное въ самомъ лѣсу. Нашъ пароходъ причаливаетъ къ берегу, и мы съ капитаномъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ, съ фонарями и палками въ рукахъ, отправляемся въ селеніе.

Здѣсь царитъ полнѣйшая тишина, огоньковъ не видать, и остяки, повидимому, уже спятъ давно. На насъ накидываются со всѣхъ сторонъ собаки, и мы съ трудомъ отбиваемся отъ нихъ. Изъ одной избы выскакиваетъ остякъ и прямо бѣжитъ къ намъ навстрѣчу.

— А, это ты, Василій Ивановичъ, окликаетъ его капитанъ:—я чуть не обознался... Мы къ тебѣ идемъ, веди, братъ, въ хату.

При тускломъ свѣтѣ нашихъ фонарей я осматриваю внутренность избы остяка. Въ ней имѣется кое-какая мебель: небольшой столъ, нѣсколько стульевъ, двѣ желѣзныя кровати, на которыхъ кто-то спитъ, а тамъ въ углу—небольшая икона.

Остякъ тѣмъ временемъ зажегъ лампу и просилъ насъ сѣсть. Я посмотрѣлъ на него. Ему было на видъ лѣтъ около 40—45, но никакъ не больше, и я былъ очень удивленъ, когда узналъ, что ему уже за шестьдесятъ. Лицо его было совершенно гладко, безъ бороды и усовъ, а на головѣ красовалась почтенная лысина.

Капитанъ еще раньше много разсказывалъ мнѣ о Василіи Ивановичѣ и, между прочимъ, о томъ, что остякъ носилъ рыжій парикъ, который пріобрѣлъ въ Тюмени за пять собольихъ шкурокъ и, замѣтивъ теперь его голую макушку, онъ спросилъ его съ притворнымъ участіемъ;

— Э, братъ Василій Ивановичъ, у тебя никакъ лысина? А я вѣдь этого совсѣмъ не зналъ.

Остякъ понялъ шутку.

— Нѣтъ, капитанъ,—сказалъ онъ осклабившись, у меня вовсе не лысина—у меня только проборъ немного широкъ...

— Да, правда, согласился капитанъ,—немного широкъ, спорить не стану... Ты, значитъ въ парикѣ ходилъ? Теперь понимаю. Но гдѣ же твой парикъ? Не жена ли... спалила его?..

Остякъ только махнулъ рукой, ничего не отвѣтивъ.

Онъ уже въ четвертый разъ былъ женатъ законнымъ бракомъ и, кромѣ того, находился въ связи съ одной самоѣдкой, которая жила въ концѣ селенія и для которой онъ построилъ отдѣльную избу. Жена его, провѣдавъ объ этомъ, неусыпно слѣдила за нимъ и какъ только узнавала, что ея благовѣрный находился у самоѣдки, она тотчасъ являлась туда и, сорвавъ съ головы мужа парикъ, усердно хлестала имъ соперницу по лицу, отчего этотъ головной уборъ остяка замѣтно рѣдѣлъ. Вотъ это-то воспоминаніе, повидимому было не по душѣ Василію Ивановичу.

Капитанъ это замѣтилъ и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Скажи, пожалуйста, Василій Ивановичъ, какъ думаешь, въ этомъ году можно разсчитывать на хорошій звѣриный промыселъ?

— Да, надо ожидать, что будетъ хорошій. Въ этомъ году былъ большой урожай кедровыхъ орѣховъ, и грызуны вдоволь имѣютъ чѣмъ питаться, а въ такіе года много бываетъ бѣлокъ, соболей и пр. Шкурки нынче сильно упадутъ въ цѣнѣ.

— А каковъ въ этомъ году уловъ рыбы?

— Вотъ уловъ рыбы-то не важный, осетрина вовсе не попадается.

— А чѣмъ это объясняется, Василій Ивановичъ?

— Самъ не знаю. Но я вотъ, что замѣтилъ: какъ только бываетъ мелководіе, осетрины тогда ловится очень мало. А въ этомъ году, какъ сами знаете, небывалое мелководіе *).

Мы еще немного посидѣли у остяка и вскорѣ затѣмъ вернулись на пароходъ.

Я думалъ о Василіи Ивановичѣ и другихъ остякахъ, встрѣченныхъ нами. Но все это были „культурные“ остяки, кото-

---

*) Рѣчь идетъ о 1901 г.

рые, приходя въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ мѣстными жителями, много утратили изъ своего прежняго строя жизни, а мнѣ хотѣлось видѣть настоящихъ остяковъ, тѣхъ обитателей тайги, которыхъ еще не коснулась „цивилизація“.

— А гдѣ же настоящіе остяки?—спросилъ я капитана.

— Настоящихъ мы можемъ видѣть нѣсколько выше, недалеко отъ села Кайгородскаго, еще часовъ пять ѣзды, и, посмотрѣвъ на свои часы, капитанъ добавилъ: къ утру, пожалуй, будемъ тамъ.

И м а.

ОЧЕРКЪ.

I.

— „Го-о-ой еще разо-о-окъ...“ — доносились до меня звуки съ палубы парохода *Проворнаго*: „Го-о-ой, ребята, дай еще-е-е!“ — повторяли голоса, оглашая пустынные берега Оби, гдѣ злополучное приключеніе съ нашимъ судномъ задержало насъ вотъ уже вторыя сутки... Мы сидѣли на мели между Сургутомъ и Нарымомъ, этими отдаленнѣйшими уголками „обширнаго отечества“, и съ тоской озирались кругомъ, не появится ли къ намъ откуда-нибудь помощь...

— „Еще, еще-е-е“... — Но все напрасно: пароходъ—ни съ мѣста, словно приросъ, и несмотря на всѣ увѣренія командира, что

вотъ-вотъ снимемся, вотъ-вотъ отправимся въ дальнѣйшій путь, мы всѣ сознавали, что на собственныя силы намъ нечего разсчитывать, что если къ намъ не придетъ какая-нибудь посторонняя помощь, то долго еще простоимъ здѣсь.

Предвидѣлся одинъ лишь исходъ: ждать буксирнаго парохода *Алексѣй*, который совершалъ теперь свой обратный рейсъ изъ Тобольска въ Томскъ и который, по расчетамъ, долженъ быть здѣсь черезъ четыре или пять дней. *Алексѣй* сниметъ насъ, и мы сумѣемъ ѣхать дальше.

Но что дѣлать здѣсь, въ такой глуши въ продолженіе этого времени? До перваго города верстъ полтораста, о близости села или деревни тоже не слыхать. Да развѣ вотъ матросы говорятъ, что тутъ гдѣ-то близко остяцкій улусъ: Вашпуголійскія Юрты. Не отправиться ли мнѣ туда отъ нечего дѣлать, тѣмъ болѣе что я давно ищу случая побывать у здѣшнихъ инородцевъ...

II.

Мы со штурвальнымъ „Митріемъ“, который вызвался сопровождать меня, на лодкѣ

подплываемъ къ Вашпуголійскимъ Юртамъ. Это—небольшое остяцкое селеніе, расположенное на крутомъ, обрывистомъ косогорѣ, въ таловомъ лѣсу.

Едва достигли мы берега и успѣли выйти изъ лодки, какъ до нашего слуха стали доноситься отрывистое рыданіе женщины и сильные крики, которые по мѣрѣ нашего приближенія къ улусу дѣлались рѣзче и пронзительнѣе. Мы съ „Митріемъ“ что есть мочи стремимся вверхъ по крутому скату, но часто спотыкаемся, скользимъ, падаемъ и уже не идемъ, а скорѣе карабкаемся на четверенькахъ. Вотъ, наконецъ, достигли мы вершины и еще издали видимъ, какъ здоровеннѣйшій остякъ бьетъ почему попало женщину, таская ее притомъ за волосы.

— Мужикъ свою бабу учитъ, а я думалъ Богъ знаетъ что такое,—промолвилъ штурвальный съ неудовольствіемъ, словно досадуя, что не увидалъ здѣсь болѣе интереснаго зрѣлища,—этакія вещи и у насъ въ деревнѣ можно видѣть сколько хошь,—и при этихъ словахъ мой спутникъ замедлилъ было шагъ, но я поторопилъ его, и вскорѣ мы достигли мѣста происшествія.

На ходу мы могли замѣтить, какъ нѣсколько остяковъ и остячекъ, группируясь около своихъ юртъ, равнодушно глядѣли на все, что происходило тутъ, и, повидимому, вовсе не думали остановить драчуна. „Митрій“ первый подбѣжалъ къ нему.

— Эй, ты, идолъ, — крикнулъ онъ на него,—что такъ тузишь свою бабу? Нешто такъ можно? Поучилъ и будетъ.

Остякъ, къ которому были обращены эти слова, нѣсколько удивленно смотрѣлъ на насъ, вовсе не намѣреваясь разстаться со своею жертвой. Бѣдная женщина-тѣмъ временемъ лежала на землѣ, барахтаясь у ногъ его. Ея лицо, мокрое отъ слезъ, было смертельно блѣдно, отдѣльныя пряди рѣдкихъ бѣлокурыхъ волосъ въ безпорядкѣ ниспадали на лобъ, покрывали глаза.

— Послушай, ханды, — обратился я къ остяку,—если сію минуту не оставишь эту женщину я... велю связать тебя и доставить въ Сургутъ къ волостному писарю.

Не знаю, понялъ ли меня остякъ, но при словѣ писарь онъ безмолвно разжалъ свои пальцы, и женщина, почувствовавъ свободу, какъ-то ловко выскользнула изъ-подъ него и бросилась бѣжать по направленію къ

лѣсу. Остякъ за ней. „Митрій“ уже готовъ былъ ринуться вслѣдъ бѣглецу, чтобы остановить его, но находившійся рядомъ съ нами плотный и приземистый мужчина, съ длинными волосами, заплетенными съ обѣихъ сторонъ въ видѣ двухъ косичекъ,—одинъ изъ свидѣтелей этого дарового зрѣлища, тутъ же спокойно замѣтилъ ему на ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Не хлопочи, добрый русъ, пускай его бѣжитъ, онъ не догонитъ ея.

III.

Это былъ шаманъ, старѣйшее лицо въ улусѣ, который пользовался большимъ авторитетомъ среди своихъ односельчанъ за свое великое умѣніе сообщаться съ духами. Звали его, какъ зовутъ большинство остяковъ, Василіемъ Ивановичемъ, но въ отличіе отъ другихъ ему прибавили кличку „Мудрый“, или Вуул-Хой, по-остяцки. Василій Ивановичъ Мудрый держалъ въ повиновеніи не только маленькихъ мѣстныхъ духовъ, куллей, но его такъ же слушался и Торымъ, главный духъ,—духъ изъ духовъ. Правда, случалось иногда, что То-

рымъ измѣнялъ ему и вмѣсто ведра, какъ Василій Ивановичъ Мудрый обѣщалъ своимъ односельчанамъ, великій духъ посылалъ имъ ненастье, вѣтеръ, холодъ, а подъ часъ даже и снѣгъ, но это не происходило по винѣ шамана, а случалось благодаря великимъ грѣхамъ какого-нибудь изъ ханды-яхъ, позволившаго себѣ попить немного воды изъ Еминга-Тага-Ита, священнаго озера, или, что еще грѣшнѣе, взять тамъ рыбку и съѣсть ее.

— Не догонитъ,—снова повторилъ шаманъ,—и не поймаетъ ея, она бѣжитъ быстрѣе оленя.

— За что онъ такъ избилъ эту женщину?—спрашиваю я остяка.

— Свою жену побилъ, а не чужую,—спокойно промолвилъ Остякъ,—а бить свою жену дозволено самимъ Торымомъ.

Шаманъ говорилъ такъ увѣренно, съ такою силой убѣдительности въ голосѣ, что я понялъ, что была бы совершенно безполезна съ моей стороны всякая попытка разубѣдить его въ этомъ, и я ничего не отвѣтилъ ему, а только предложилъ ему обойти со мною юрты и быть моимъ переводчикомъ, обѣщавъ щедро вознаградить его

бездѣлушками, которыя я имѣлъ при себѣ и къ которымъ остяки питали особенную слабость.

IV.

Мы съ Василіемъ Ивановичемъ Мудрымъ осматривали остяцкія юрты. Ихъ числомъ пятнадцать-шестнадцать, и всѣ онѣ въ безпорядкѣ разбросаны въ таловомъ лѣсу.

Входимъ въ одну изъ нихъ. Это—берестяный чумъ, маленькій и низкій, въ которомъ намъ приходится стоять согнувшись, чтобы не удариться головой о потолокъ или вѣрнѣе о крышу, такъ какъ первый отсутствуетъ.

Чумъ своимъ видомъ и своими размѣрами скорѣе напоминаетъ собою собачью конуру, чѣмъ человѣческое жилище, и однако въ немъ живутъ два семейства, состоящія изъ семи человѣкъ: трехъ женщинъ, двухъ ребятишекъ и двухъ мужчинъ. Послѣдніе въ моментъ нашего посѣщенія чума отсутствовали. Одна изъ женщинъ, совсѣмъ слѣпая старуха, сидитъ забившись въ углу; другія двѣ, значительно помоложе, хлопочутъ по хозяйству.

Посреди чума горитъ костеръ, дымъ изъ

котораго пробивается черезъ отверстіе, сдѣланное въ крышѣ и замѣняющее трубу.

На земляномъ полу, почти у самаго огня, сидя спитъ въ лодкообразной зыбкѣ малютка. Его желтое личико, покрытое морщинами, обращено къ пламени. Каждый разъ, какъ открываютъ и закрываютъ дверь въ чумѣ, огонь вспыхиваетъ и дымъ обдаетъ лицо малютки. Ребенокъ морщится, отворачиваетъ головку, но вскорѣ снова принимаетъ свое первоначальное положеніе, продолжая спать.

Другой ребенокъ, ростомъ болѣе перваго, тоже спитъ въ сидячемъ положеніи и тоже въ лодкообразной зыбкѣ, которая находится на этотъ разъ не у огня, а на нарахъ.

Наше появленіе нѣсколько удивляетъ остячекъ, которыя съ любопытствомъ глядятъ на насъ, не произнося ни слова. Первымъ прерываетъ молчаніе шаманъ, который продолжительно что-то объясняетъ имъ по-остяцки, и изъ всего его разговора съ ними я лишь улавливаю отдѣльныя слова и нѣкоторыя фразы.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваю я по-русски одну изъ молодыхъ остячекъ, но мой вопросъ остается безъ отвѣта, такъ

какъ остячка, повидимому, не поняла меня. Мои слова тотчасъ передаются ей шаманомъ, и онъ тутъ же вмѣсто нея отвѣчаетъ, что ее зовутъ Маріей.

— А другую?

— Тоже Маріей.

— И я также Марія, — предупредительно заявляетъ слѣпая старушка, не дожидаясь пока я ее спрошу.

— А какъ зовутъ этого малютку, который спитъ вотъ у огня?

— Его зовутъ Шелъ-дождь.

— Какъ?

— „Шелъ-дождь“, — повторяетъ шаманъ и тутъ же объясняетъ мнѣ, что ребенокъ еще не крещенъ „русскимъ батюшкой“ и что до совершенія этого таинства остячки сами даютъ своимъ дѣтямъ произвольныя имена, въ зависимости отъ той обстановки и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось появленіе ихъ на свѣтъ.

— А другого какъ зовутъ?

— „Запачканнымъ“ зовутъ.

— А какъ это будетъ по-остяцки?

— „Хуу-Ленъ“, добрый русъ: что Запачканный и что Хуу-Ленъ—одно и то же, зови какъ хочешь.

— Сколько лѣтъ Хуу-Лену?—освѣдомляюсь я у матери его.

— Зите-тагель-кумъ,—слѣдуетъ отвѣтъ.

— „Зите-тагель-кумъ“ — стало-быть ему два года, — только? А вѣдь по его морщинистому лицу онъ настоящій старичокъ... *)

Освѣдомившись затѣмъ у остячекъ, гдѣ въ настоящее время ихъ мужья и получивъ отвѣтъ, что они „уплыли“, я на прощаніе далъ каждой изъ нихъ, не исключая и слѣпой старухи, нѣсколько колецъ, пару сережекъ и брошку, и мы вышли.

V.

На дворѣ насъ уже ожидала цѣлая толпа остяковъ и остячекъ, которые привѣтствовали насъ дружескими возгласами: „питуяволо, питуяволо“! и наперерывъ зазывали къ себѣ.

Особенно настойчиво приглашала насъ зайти въ ея чумъ одна старая остячка, которая подошла къ шаману и что называется насильно повела его съ собой, такъ что

---

*) Зите-тагель-кумъ собственно обозначаетъ: человѣкъ, которому идетъ второе лѣто.

мнѣ и „Митрію“ осталось только послѣдовать за ними.

Чумъ ея былъ такихъ же размѣровъ, какъ тотъ, который мы только что осмотрѣли и почти ничѣмъ не отличался отъ него ни по своему внѣшнему виду, ни по внутреннему: тотъ же костеръ, горѣвшій среди юрты, тѣ же нары, занимавшія больше половины ея внутренняго пространства, тотъ же домашній скарбъ и та же рухлядь, разбросанная здѣсь и тамъ, и къ довершенію сходства, такая же слѣпая старуха, сидѣвшая у входа противъ огня. Единственную разницу, замѣченную нами здѣсь, составляло то, что вмѣсто двухъ ребятишекъ въ этомъ чумѣ ихъ было трое, такъ же сидя спавшихъ въ своихъ лодкообразныхъ зыбкахъ, кто вблизи костра, а кто и на нарахъ.

Въ этомъ чумѣ, кромѣ старухи съ мужемъ, ея слѣпой матери и трехъ упомянутыхъ ребятишекъ, жила еще одна молодая чета. Мужъ по обыкновенію отсутствовалъ, а молодая женщина была налицо.

Я спросилъ ее, сколько ей лѣтъ, но это нѣсколько озадачило ее. Вотъ поистинѣ вопросъ, о которомъ она до сихъ поръ

и не думала. Она знаетъ какъ ее зовутъ: Маріей, Маней, Машей, знаетъ такъ же сколько у нея есть и было дѣтей,—всего шесть человѣкъ, изъ нихъ трое умерло, а трое вотъ здѣсь; все это она знаетъ, но сколько ей лѣтъ, рѣшительно не можетъ сказать. Но не спросить ли объ этомъ шамана? Вѣдь онъ все знаетъ. И дѣйствительно, шаманъ былъ освѣдомленъ объ ея возрастѣ и послѣ долгихъ размышленій и вычисленій онъ объявилъ, что она вдвое моложе своего мужа, котораго онъ еще зналъ маленькимъ и которому теперь лѣтъ сорокъ пять.

Я не освѣдомился у другихъ обитательницъ юрты объ ихъ возрастѣ, не пожелавъ обременить ихъ такими трудными для нихъ умственными вычисленіями, а прямо приступилъ къ раздачѣ бездѣлушекъ, при видѣ которыхъ остячки засіяли.

Молодая женщина получила нѣсколько колецъ съ камнями и безъ камней, два запястья и пару сережекъ, а старуха, сверхъ того, и вязку стеклянныхъ бусъ.

Старуха была въ восторгѣ отъ полученныхъ вещичекъ, любовалась ими, разсматривала ихъ съ большимъ интересомъ и,

привѣтливо кивая мнѣ головой, улыбалась, всячески выражая свою благодарность.

— Какой сонъ видѣла ты сегодня, тетка?—шутя спросилъ ее чрезъ переводчика штурвальный.

— Мнѣ приснился, — нисколько не задумываясь, отвѣчаетъ старуха, — красивый молодой человѣкъ, который всю ночь нашептывалъ мнѣ на ухо: „люблю, люблю“.

Отвѣтъ старухи, переданный намъ шаманомъ, разсмѣшилъ всѣхъ, и штурвальный тутъ же выпросилъ у меня еще нѣсколько колецъ и пару сережекъ и собственноручно передалъ старой остячкѣ, присовокупивъ:

— Ты баба не промахъ, люблю за это; на вотъ, бери на память отъ Митрія штурвальнаго, отъ меня, значитъ.

Осмотръ остальныхъ юртъ отнялъ у насъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, и солнце уже садилось, когда мы съ Митріемъ направлялись къ берегу, чтобы возвратиться къ нашей лодкѣ.

На ходу мы замѣтили ту женщину, съ которой давеча такъ жестоко расправился ея супругъ, и мы тотчасъ подошли къ ней.

Это была совсѣмъ еще молодая женщина, лѣтъ 23—24, не больше. Она теперь была причесана и умыта и, повидимому, совсѣмъ оправилась отъ своего недавнишняго приключенія; только лицо ея было еще блѣдно и носило слѣды царапинъ,—какая-то глубокая печаль таилась въ ея взорѣ.

Желая нѣсколько ободрить ее, я щедрою рукою надѣлилъ ее бусами, перстнями и другими бездѣлушками, заранѣе представляя себѣ тотъ эффектъ, который это произведетъ на нее, но, къ удивленію моему, она ихъ приняла совершенно равнодушно, едва кивнувъ мнѣ головой въ знакъ благодарности; мнѣ даже показалось, что, принимая ихъ, она иронически улыбнулась.

— Какъ ее зовутъ?—обратился я къ шаману.

— Имой зовутъ,—отвѣтилъ Остякъ.

— Нѣтъ, не правда,—скороговоркой промолвила молодая женщина, по-русски: не Имой, а Ирмой зовутъ.

Я былъ пріятно удивленъ, впервые услышавъ здѣсь правильную русскую рѣчь и не могъ воздержаться, чтобы не замѣтить объ этомъ шаману, спросивъ его при этомъ:

— Откуда эта остячка такъ прекрасно говоритъ по-русски?

— Но... она русская!—нерѣшительно сказалъ шаманъ.

— Русская?—переспросилъ я шамана,— взглянувъ на молодую женщину.

— Русская?!.— повторилъ мой вопросъ штурвальный.

Она легкимъ кивкомъ головы разсѣяла наше сомнѣніе и, не произнося ни слова, повернулась и ушла.

— Постой, постой! Куда?— крикнулъ ей вслѣдъ штурвальный, не менѣе моего озадаченный этимъ открытіемъ. — Ушла баба, чай устыдилась. Русская! И въ супружествѣ съ остякомъ, а! И еще даетъ ему бить себя, — еще понимаю быть битой нашимъ братомъ, это статья совсѣмъ другая, а то остякомъ, нехристемъ...

Не знаю, сколько продолжалъ бы еще ораторствовать штурвальный на эту тему, посылая по адресу ушедшей женщины разныя нелестныя выраженія, если бъ я не напомнилъ ему, что намъ пора вернуться на пароходъ, указавъ ему на солнце. Онъ нерѣшительно послѣдовалъ за мной, все еще повторяя по дорогѣ: „Русская, а по-

зволяетъ остяку-нехристю бить себя", пока, наконецъ, мы достигли берега и сѣли въ лодку. Тутъ штурвальный сразу умолкъ и сталъ усердно грести.

Приближаясь къ пароходу, мы еще издали могли замѣтить, какъ два матроса, стоя въ платьѣ по грудь въ водѣ, шестами возились около *Проворнаго*, а капитанъ въ свою очередь, находясь на палубѣ, наметкой измѣрялъ глубину воды и что-то соображалъ.

— Смотрите,—смѣясь, сказалъ мнѣ штурвальный,—посмотрите, какъ нашъ командиръ раковъ ловитъ.

Мы тѣмъ временемъ подплыли къ пароходу и по висѣвшему надъ водой трапу взобрались на палубу.

— Ну, какъ дѣла, капитанъ? — спросилъ я его.—Есть ли надежда, что скоро снимемся?

— Какъ же? какъ же? — даже обидчиво отвѣтилъ капитанъ. — Сами видите, какъ пароходъ подался назадъ.

Я, разумѣется, ничего подобнаго не видалъ; наоборотъ, мнѣ даже показалось, что *Проворный* за это время какъ будто глубже осѣлъ на пескѣ, но я ничего не сказалъ и

прошелъ въ свою каюту, рѣшивъ завтра совсѣмъ поселиться въ улусѣ на эти нѣсколько дней, чтобъ имѣть возможность болѣе или менѣе ближе ознакомиться съ бытомъ остяковъ, а также и узнать кое-что объ этой русской женщинѣ, судьба которой заинтересовала меня.

VI.

Рано утромъ слѣдующаго дня я спустился въ лодку и поплылъ къ Вашпуголійскимъ Юртамъ. Штурвальнаго на этотъ разъ не было со мною, такъ какъ онъ нуженъ былъ капитану для какихъ-то его работъ.

Было около пяти часовъ утра, и, несмотря на такую раннюю пору, въ нѣкоторыхъ юртахъ, какъ это я могъ замѣтить, проходя мимо нихъ, уже сидѣли за ѣдой.

Я скоро разыскалъ чумъ шамана, но засталъ его не за завтракомъ, какъ думалъ, а за молитвой. Шаманъ, не обращая на меня вниманія и будто не замѣчая меня, неподвижно стоялъ лицомъ къ стѣнѣ, на которой висѣлъ топоръ, привязанный на веревкѣ лезвіемъ кверху. Его уста тихо шептали молитву, взоръ его весь былъ

устремленъ на сверкавшій передъ нимъ предметъ, и по лицу его, мечтательно-спокойному, видно было, что онъ переживалъ нѣсколько блаженныхъ минутъ.

Вскорѣ однако мирное настроеніе Остяка приняло болѣе „демонстративный“ характеръ, и онъ ни съ того, ни съ сего сталъ усердно колотить себя въ грудь обѣими руками, подпрыгивалъ и выкрикивалъ какія-то непонятныя для меня слова.

По временамъ онъ слегка касался пальцами топора, и если висѣвшій передъ нимъ предметъ приходилъ въ горизонтальное движеніе, блаженство шамана не имѣло предѣловъ: онъ теръ себѣ руки, щупалъ лобъ, носъ и подбородокъ и повидимому былъ очень доволенъ собою и всѣмъ окружающимъ...

Для меня кривлянье остяка было крайне тягостно, и, не зная сколько это можетъ продолжаться, я началъ уже помышлять о томъ, чтобы выйти, но въ это время шаманъ отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ и, постоявъ затѣмъ неподвижно съ минуту, отнялъ отъ глазъ руки и посмотрѣлъ на меня. Я понялъ, что молитва была окончена.

Я спросилъ шамана, часто ли ему приходится такъ „молиться“, и узналъ, что все это нужно было продѣлывать три раза въ день: утромъ, днемъ и на сонъ грядущій, чтобы такимъ образомъ находиться въ постоянномъ сообщеніи съ духами, у которыхъ онъ просилъ милости и благополучія для своихъ односельчанъ.

Меня также интересовало, какъ относился лично остякъ къ своимъ кривляньямъ, придавалъ ли онъ этому дѣйствительно какое-нибудь значеніе или просто ради личныхъ цѣлей вводилъ этимъ въ заблужденіе своихъ односельчанъ, которыхъ онъ немилосердно дурачилъ и эксплоатировалъ, но едва я слегка коснулся этого вопроса, какъ остякъ прервалъ меня, спросивъ, что привело меня къ нему на этотъ разъ.

Я сказалъ ему о моемъ намѣреніи пожить въ улусѣ эти нѣсколько дней, пока нашъ пароходъ еще простоитъ здѣсь, и просилъ его помочь мнѣ найти на это время отдѣльный чумъ.

Шаманъ охотно согласился, и не прошло часу времени, какъ я былъ водворенъ въ отдѣльномъ остяцкомъ чумѣ.

VII.

Солнце, августовское солнце, которое свѣтило здѣсь особенно ярко, манило на улицу, манило къ простору...

Предо мною разстилалась обширная равнина, едва уловимая глазомъ, съ заливными лугами, покрытыми густою высокою травой, съ безконечными дремучими лѣсами, со стройными кедровыми деревьями удивительной красоты.

По временамъ ландшафтъ мѣнялъ свой видъ, показывались горы, уединенные утесы, которые сливались съ обоими увалами и образовывали такъ называемую „обширную долину Оби“, по которой величественно стремилась эта безбрежная рѣка...

Вотъ и Лямина-соръ.

Онъ весной принимаетъ видъ грознаго моря, имѣющаго тысячи верстъ въ окружности, гдѣ случайно попавшій пароходъ нерѣдко становится жертвой бурныхъ волнъ. А теперь все это мѣсто сплошь покрыто бархатистою зеленью, ласкающею взоръ.

На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, касающемся своими предѣлами многихъ странъ свѣта, безпомощно барахтаются здѣсь

и тамъ кучки невѣжественныхъ людей, полудикихъ и полуголодныхъ, силой обстоятельствъ обреченныхъ на гибель. А тамъ, западнѣе отъ нихъ, могучій и промышленный народъ, развиваясь въ самостоятельную культуру, постепенно надвигается на нихъ, угрожая цѣликомъ поглотить ихъ...

Гуляя такимъ образомъ вдоль берега, я незамѣтно очутился въ большомъ кедровомъ лѣсу. Гигантскія деревья со своими длинными иглистыми вѣтвями образовали густую тѣнь. Было тихо, ни вѣтерка, ни малѣйшаго шороха, даже деревья не шелестѣли, словно все вымерло здѣсь; становилось жутко отъ такой тишины.

Небольшой деревянный домикъ, стоявшій въ сторонѣ и вдругъ замѣченный мною, далъ мнѣ поводъ думать, что здѣсь кто-то живетъ.

Я направился туда и вскорѣ замѣтилъ, что здѣсь имѣлся не одинъ домикъ, а нѣсколько домиковъ, скрывавшихся за густыми вѣтвями деревьевъ.

Домики были наглухо заперты, окна заколочены и на дверяхъ каждаго изъ нихъ висѣлъ небольшой замокъ.

Должно быть остяцкія зимовки, подума-

лось мнѣ; хозяева ушли теперь далеко въ „Урмани“ орѣхъ промышлять и не вернутся сюда раньше, какъ поздней осенью, оставивъ такимъ образомъ все свое имущество на произволъ судьбы.

Но остякъ не опасается за цѣлость своего добра: свой братъ не возьметъ, а „башки“ *) нечего еще бояться; его пока еще нѣтъ здѣсь; онъ появляется въ этихъ мѣстахъ только зимою, когда у остяка все имѣется— и шкурки, и дичь, и орѣхъ, въ настоящее же время скарбъ его слишкомъ тощъ и не представляетъ никакого интереса...

VIII.

Прогулка задержала меня нѣсколько часовъ, и уже было далеко за полдень, когда я возвратился въ улусъ.

Остяки по обыкновенію отсутствовали; оставались однѣ только женщины, которыхъ я засталъ на дворѣ за слѣдующею работой: онѣ группировались вокругъ длинныхъ столовъ, представлявшихъ цѣлый

---

*) Этимъ именемъ остяки называютъ всякаго чужаго, а также и пушнопромышленника, посѣщающихъ ихъ.

рядъ досокъ, расположенныхъ на козлахъ, и мяли и переминали руками какое-то черное тѣсто.

Я узналъ впослѣдствіи, что это составляло смѣсь толченыхъ очищенныхъ кедровыхъ орѣховъ съ красновато-черными ягодами черемухи, изъ которой остячки приготовляли лепешки и тутъ же пекли въ горячей золѣ...

Замѣтивъ меня, женщины привѣтствовали меня, встрѣчая, какъ стараго знакомаго.

Одна изъ нихъ, старая остячка, памятная мнѣ по своему романическому сну, обращаясь ко мнѣ со словами „кенье натъ мушемба“, что обозначало—рыбья уха уже готова, освѣдомилась, не желаю ли поѣсть, и на мой утвердительный отвѣтъ сняла съ огня котелокъ, въ которомъ варилась рыба и понесла ко мнѣ въ чумъ.

Другія остячки, не прерывая работы, весело болтали между собой и перекидывались шутками.

Я напрасно искалъ глазами русскую женщину Ирму или Иму, какъ ее звали остяки, думая встрѣтить ее среди нихъ: ея здѣсь не было.

Только впослѣдствіи я замѣтилъ, что

она сидѣла одна у порога своего чума и что-то шила, ни на кого не обращая вниманія.

По всему видно было, что она всѣхъ чуждалась и что всѣ чуждались ея.

IX.

Къ вечеру остяки уже стали возвращаться домой, и каждый изъ нихъ несъ въ рукахъ то, что ему удалось добыть за день на охотѣ или рыбной ловлѣ: кто убитую птицу, кто застрѣленнаго звѣрка, а кто и рыбу значительныхъ размѣровъ, трепетавшую въ рукахъ, и, передавъ принесенные продукты женамъ, садились ужинать.

Вечерняя трапеза въ отличіе отъ утренней, происходила подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь вблизи юрты и при благоговѣйномъ молчаніи членовъ семьи, которые, какъ мнѣ объяснилъ шаманъ, должны были смотрѣть на ѣду, какъ на исполненіе священнѣйшей обязанности, чуть ли не какъ на жертвоприношеніе.

За столомъ или вѣрнѣе за дымившимся котелкомъ, въ которомъ находился приготовленный ужинъ и который просто ста-

вился на землю, первое мѣсто занимали мужчины, женщины же садились нѣсколько поодоль, а чаще всего позади своихъ мужей, изъ рукъ которыхъ и получали со „стола“.

Производилось это простѣйшимъ образомъ: глава семьи запускалъ всю свою пятерню въ котелокъ и, доставъ оттуда кусокъ рыбы или мяса,—оба эти продукта обыкновенно варились вмѣстѣ,—пальцами раскрошивалъ его на части, изъ которыхъ однѣ передавалъ женѣ, а остальное съѣдалъ самъ.

Случалось нерѣдко, что, увлекшись ѣдой, нѣжный супругъ совершенно позабывалъ о сидѣвшей позади него подругѣ жизни и уписывалъ что называется кусокъ за кускомъ, а бѣдная женщина только съ завистью смотрѣла на разыгравшійся аппетитъ мужа, не смѣя просить его и для себя, несмотря на то, что все это купанье, какъ и все то, что ни подавалось къ столу, исключительно было приготовлено ею одною.

Кромѣ стряпни, которая, какъ уже было упомянуто, составляла исключительную обязанность женщины, на нее взваливались и другія работы по хозяйству. Она должна

была собирать и колоть дрова, носить воду, обшивать весь домъ, начиная отъ гуса для себя и мужа и кончая нюгой *), ухаживать за мелкимъ скотомъ, заготовить съѣстные припасы на всю зиму, когда отправляются звѣрей промышлять и исполнять цѣлый рядъ другихъ работъ, сопряженныхъ съ хозяйствомъ.

Въ циклъ обязанностей хорошей жены входили также и заботы о томъ, чтобы мужъ былъ сытъ, чтобы ему спокойно спалось и чтобы ночью не тревожили его непріятные сны, для чего ей рекомендовалось не класть ему подъ голову ни своей одежды, ни своей обуви...

При всей многосложности обязанностей женщины заботы мужчины о домашнемъ хозяйствѣ были весьма ограничены и сводились лишь къ тому, что онъ долженъ былъ доставлять къ столу продукты своей охоты или рыбной ловли въ такомъ количествѣ, въ какомъ это было необходимо

---

*) Гусъ—родъ верхняго платья изъ лисьихъ или собольихъ шкурокъ, замѣняющій собою сапоги, брюки, кафтанъ и шапку. Нюги—своего рода одѣяло, сшитое изъ оленьихъ шкурокъ и служащее въ зимнее время для оболочки чума.

для прокормленія себя и прочихъ членовъ семьи; оставшеюся же частью этихъ продуктовъ онъ могъ располагать по своему усмотрѣнію и большею частью пропивалъ при первомъ случаѣ.

Въ силу традиціоннаго обычая мужъ долженъ былъ ежегодно привезти своей женѣ съ ярмарки пару башмаковъ и головной платокъ, но обычай этотъ супругомъ признавался только теоретически, такъ какъ означенныхъ вещей жена никогда и въ глаза не видала...

Все сказанное здѣсь о жизни остяковъ не относилось къ одному какому-нибудь остяцкому семейству, а составляло общее правило для всѣхъ жителей Вашпуголійскихъ Юртъ, какъ и все то, что ни происходило въ улусѣ, не исключая и мелочей повседневной жизни, считалось традиціоннымъ закономъ одинаково для всѣхъ нихъ. Такъ, напримѣръ, обѣдъ, ужинъ и отдыхъ во всѣхъ юртахъ происходили въ одно и то же время, какъ одновременно здѣсь ложились спать и вставали съ методическою точностью, въ опредѣленный часъ, несмотря на то, что во всемъ улусѣ ни у кого не было часовъ.

Я также нигдѣ не встрѣчалъ здѣсь ни чернилъ, ни перьевъ, ни всего того, безъ чего ни одно человѣческое общество, маломальски культурное, не можетъ обходиться, ни одной книжки, ни даже молитвенника, словно я вдругъ попалъ на такую планету, гдѣ не знали о существованіи письменности и печатнаго дѣла.

X.

Прошло трое сутокъ, въ теченіе которыхъ я въ достаточной степени имѣлъ возможность ознакомиться съ несложнымъ бытомъ Вашпуголійскихъ остяковъ, съ ихъ разнузданными нравами, ихъ вкусами и стремленіями, которыя сводились главнымъ образомъ къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе наѣсться и напиться до потери сознанія и всякаго человѣческаго достоинства на цѣлыя сутки...

Кѣмъ-то шутя, была высказана мысль, что въ противоположность теоріи Дарвина, старающагося доказать, что человѣкъ происходитъ отъ какого-нибудь животнаго, ближайшимъ представителемъ котораго— обезьяна, онъ скорѣе склоненъ думать, что, наоборотъ, „вѣнецъ природы“, постепенно

опускаясь и падая все ниже и ниже по лѣстницѣ нравственности, дошелъ наконецъ до такого состоянія духовнаго и физическаго уродства, что превратился въ обезьяно-подобное животное, откуда и пошли мартышки, и началось ихъ распространеніе на землѣ... Такими именно человѣческими выродками, настоящими обезьянами, казались мнѣ обитатели Вашпуголійскихъ Юртъ. Это были люди совершенно лишенные воли и характера, настоящія дѣти, поддавшіяся первому своему влеченію, вовсе не размышляя о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собой тотъ или другой ихъ поступокъ.

Изученіе такихъ несложныхъ натуръ не требовало, разумѣется, много времени, и я зналъ о нихъ на третій день столько же, сколько и въ слѣдующіе дни, и очень сожалѣлъ, что злополучное приключеніе съ нашимъ пароходомъ вынудило меня понапрасну остаться здѣсь такъ долго. Если меня и интересовало здѣсь что-нибудь, то это — судьба бѣдной женщины, „соотечественницы“, какъ я ее мысленно прозвалъ, но за все время моего пребыванія въ улусѣ я видѣлъ ее всего одинъ разъ и то мель-

комъ, слѣдовательно ничего не могъ узнать о ней.

Мнѣ даже показалось, что она почему-то избѣгаетъ встрѣтиться со мною, ибо какъ только, бывало, издали замѣчала меня, тотчасъ же спѣшила скрыться за дверью своей юрты, и я ужъ думалъ, что такъ и уѣду, не увидавъ ея. Однако мнѣ удалось не только повидать ее снова, но также явиться вторично въ роли защитника ея отъ истязаній ея мужа.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ остяки узнали о приключеніи съ нашимъ пароходомъ, они безпрестанно стали навѣщать наше застрявшее судно и въ изобиліи приносили дань въ видѣ рыбы, кедроваго орѣха и пр. буфетчику, который, въ свою очередь, не оставлялъ безъ вниманія ихъ приношенія и снабжалъ ихъ своей прескверн ѣйшею водкой.

Усерднѣе всѣхъ навѣщалъ застрявшее судно мужъ этой русской женщины, и не проходило вечера, чтобы онъ не возвращался оттуда пьянымъ.

Молодая женщина, зная про это, всю ночь скрывалась въ лѣсу,—сосѣди въ такихъ случаяхъ не пускали ее къ себѣ, боясь

скандала со стороны ея мужа, и только такимъ образомъ она избѣгала побоевъ. Случилось однажды, что онъ не явился домой въ продолженіе двухъ сутокъ, и жена его, какъ мнѣ потомъ передавали, все ходила къ рѣкѣ, желая подкараулить моментъ его возвращенія, что, повидимому, ей не удалось.

Однажды ночью,— это было почти подъ самое утро,—отчаянные крики, раздававшіеся близъ моего чума, разбудили меня. Я тотчасъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, выскочилъ на улицу и вижу, какъ бандитъ этотъ буквально волочитъ несчастную жену свою за волосы, приговаривая: „Ангенъ Асъ, ангенъ Асъ“—въ Обь, въ Обь.

— Брось ее, негодяй!—невольно крикнулъ я такъ громко, что мой собственный голосъ показался мнѣ страннымъ въ этой утренней тишинѣ.

Остякъ моментально оставилъ свою жертву и, шатаясь, сдѣлалъ два шага по направленію ко мнѣ. По случаю утренней темноты я не различилъ человѣка, а только видѣлъ, какъ огромная масса молча и медленно надвигалась на меня.

Не знаю, чѣмъ все это кончилось бы, если

бы въ это время не явился шаманъ и окри-комъ „Сабалъ“ — я впервые тутъ узналъ, что его звали Сабаломъ—остановилъ его. Тѣмъ временемъ подошли другіе остяки и по моему разпоряженію связали буяна, понесли его къ его юртѣ и тутъ же оставили на дворѣ, чтобы онъ выспался,—„кондакгитъ“, какъ говорятъ остяки.

Желая посмотрѣть, что съ этою бѣдною женщиной, нечеловѣческіе крики которой мнѣ казались были еще слышны, мы съ шаманомъ вошли въ ея юрту, но ея тамъ не оказалось.

Въ углу на нарахъ, прижавшись къ стѣнѣ, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ трехъ-четырехъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, повторялъ какъ бы про себя: „Ази аупъ моннаупъ“ — папка мамку бьетъ. Въ другомъ углу, подъ иконой, единственной, которую я замѣтилъ во всемъ улусѣ и передъ которой теплилась лампадка, лежалъ другой ребенокъ, значительно меньше перваго, съ большими черными глазами и усердно сосалъ свои два пальчика.

Я былъ удрученъ видомъ этихъ одинокихъ бѣдныхъ ребятишекъ и мыслью о томъ, что ихъ самихъ и мать ихъ ждетъ въ не-

далекомъ будущемъ. Хорошо еще, думалось мнѣ, что мы во-время успѣли остановить буяна, а что было бы въ противномъ случаѣ? Бросилъ бы онъ ее въ Обь, какъ угрожалъ, или нѣтъ? Возможно, что это не въ первый разъ случается съ ней, и какъ она отдѣлывалась раньше? Мнѣ захотѣлось узнать нѣкоторыя подробности объ ея прошломъ. Откуда она, какъ попала сюда? Знаетъ ли шаманъ про это и скажетъ ли онъ мнѣ? Оказалось, что шаманъ прекрасно зналъ все ея прошлое и охотно согласился разсказать мнѣ обо всемъ этомъ.

Опуская всѣ подробности о жизни молодой женщины до ея брака съ Сабаломъ, а также взглядъ шамана на бракъ и что вообще въ правѣ требовать отъ своей жены каждый остякъ, изъ всего длиннаго его разсказа получилась весьма несложная и краткая исторія загубленной молодой жизни,—исторія представлявшая въ то же время цѣлую мартирологію нескончаемыхъ бѣдствій и сводящаяся приблизительно къ слѣдующему.

Она жила со своею пріемною матерью около Обдорска, гдѣ у нихъ былъ свой „песокъ“ и гдѣ Сабалъ служилъ у нихъ въ

качествѣ старшаго надсмотрщика надъ другими рабочими-остяками. На шестнадцатомъ году она почувствовала себя сильно влюбленною въ Сабала, который былъ тогда высокій брюнетъ, съ черными жгучими глазами,—настоящій богатырь, о которомъ только въ сказкахъ читаютъ, и, долго не думая, она заявила своей пріемной матери о своемъ намѣреніи сдѣлаться его женой. Она хотя и тогда знала, что Сабалъ выпивалъ, но не придавала этому особеннаго значенія, тѣмъ болѣе что у нихъ въ домѣ всѣ пили.

Пріемная мать на первыхъ порахъ противилась этому браку съ остякомъ, но отчасти угрозами утопиться или повѣситься, а отчасти слезами она добилась, наконецъ, согласія старухи выйти за него замужъ.

Не прошло двухъ недѣль, какъ мужъ ужъ билъ ее, но, конечно, въ пьяномъ видѣ; зато на слѣдующій день онъ былъ съ ней особенно ласковъ, много цѣловалъ ее, и, разумѣется, какое юное сердце будетъ послѣ этого помнить обиду, нанесенную любимымъ человѣкомъ наканунѣ въ нетрезвомъ состояніи.

Прошло такимъ образомъ два года.

Въ продолженіе этого времени дѣла съ

„пескомъ“, которыя и до того не были блестящи, подъ безконтрольнымъ управленіемъ Сабала, совсѣмъ пришли въ упадокъ. Старуха между тѣмъ умерла, „песокъ“ перешелъ въ другія руки, пошли дѣти, и послѣ долгихъ мытарствъ и жизни въ тайгѣ, гдѣ она съ дѣтьми должна была сопровождать мужа во время его перекочевокъ, они въ концѣ-концовъ переселились сюда въ Ваш-пуголійскія Юрты.

— А теперь самъ видишь, добрый русъ,— закончилъ шаманъ свой длинный разсказъ,— самъ видишь, какъ живутъ; иногда Сабалъ обласкаетъ, а иногда и побьетъ, на то и мужъ.

— Но вѣдь такимъ образомъ онъ когда-нибудь совсѣмъ убьетъ ее, — замѣтилъ я остяку.

— Да, убьетъ,—промолвилъ остякъ такъ спокойно, какъ если бы рѣчь шла не о человѣческомъ существѣ, а о какомъ-нибудь лѣсномъ звѣркѣ: бѣлкѣ или зайцѣ.

Мнѣ жутко стало отъ этого спокойствія остяка, характеризовавшаго взглядъ его на человѣческую жизнь, и я поспѣшилъ разстаться съ нимъ, не сказавъ ему ни слова...

XI.

На четвертый день моего пребыванія въ улусѣ меня навѣстилъ штурвальный „Митрій“ и принесъ извѣстіе, что ночью или къ утру ожидаютъ прибытія *Алкспя*, котораго матросы казеннаго баркаса встрѣтили на пути, обогнавъ его около Нарыма. Онъ сообщилъ и нѣкоторыя подробности о томъ, что происходило на нашемъ застрявшемъ пароходѣ, о капитанѣ, который давно отказался отъ всякой мысли снять свое судно и, повидимому, совсѣмъ успокоился на этотъ счетъ и о командѣ, которая въ общемъ прекрасно чувствуетъ себя. Правда, въ послѣднее время ею испытывается нѣкоторый недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ, напримѣръ, но этотъ пробѣлъ пополняется ею рыбой, которой остяки снабжаютъ матросовъ со всѣхъ сторонъ. Притомъ скоро прибудетъ *Алексѣй*, который всегда идетъ съ запасомъ и, слѣдовательно, можно будетъ попользоваться у него всѣмъ, что необходимо. Онъ также передалъ мнѣ отъ имени капитана, что какъ только они снимутся, тотчасъ поѣдутъ и по дорогѣ остановятся у Вашпуголійскихъ юртъ, что-

бы забрать меня;, и спросивъ меня затѣмъ кое-что объ этой русской женщинѣ, которую все еще помнилъ, онъ попрощался со мною и поспѣшилъ на пароходъ.

Я былъ несказанно радъ извѣстію, что, наконецъ, уѣзжаю отсюда. Жизнь въ остяцкой юртѣ, гдѣ дымъ выѣдалъ глаза, гдѣ даже днемъ приходилось работать при огнѣ и гдѣ ночью такъ холодно, въ особенности при вѣтреной погодѣ, разумѣется не представляло ничего заманчиваго. Здѣшніе „Василіи Ивановичи“ и „Маріи“ меня тоже больше не занимали; меня только тяготила мысль о положеніи этой бѣдной женщины, злымъ рокомъ брошенной сюда,—одинокой среди совершенно чуждыхъ ей людей по религіи, обычаямъ и нравамъ.

Единственнымъ исходомъ для нея было бы забрать своихъ дѣтей и какъ можно скорѣе уѣхать отсюда куда бы то ни было, такъ какъ хуже, чѣмъ ей здѣсь жилось, она нигдѣ жить не будетъ, по крайней мѣрѣ жизни ея не будетъ больше грозить опасность. Но могла ли она привести это въ исполненіе, будучи окружена остяками и живя въ такой глуши, совершенно оторванной отъ людей и остальнаго міра, гдѣ

даже пароходъ почти никогда не останавливается?..

Теперь ей представляется блестящій случай уѣхать отсюда; если она узнаетъ объ этомъ, навѣрное захочетъ воспользоваться имъ. Въ случаѣ сопротивленія со стороны ея мужа и, возможно, другихъ остяковъ, которые вздумали бы оказать ему свое содѣйствіе, объ этомъ можно было переговорить съ капитаномъ, и нѣтъ сомнѣнія, что за нее вступится вся команда. Но вопросъ въ томъ, какъ сообщить ей все это, не навлекая вниманія остяковъ, представлялъ не мало затрудненія, и я не нашелъ другого исхода, какъ дождаться вечера, когда въ улусѣ уже будутъ спать, и просто отправиться къ ней въ чумъ и повидать ее подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, зная тѣмъ болѣе, что встрѣчи съ ея мужемъ теперь нечего было опасаться, такъ какъ онъ лежитъ связаннымъ позади своей юрты и, навѣрное, еще не отрезвился.

XII.

Солнце давно закатилось за горизонтъ, и ночь, темная сѣверная ночь, которая наступаетъ здѣсь сразу, окутала уснувшій

улусъ. Я иду нерѣшительнымъ и медленнымъ шагомъ, едва различая въ ночномъ мракѣ узкую тропинку, ведущую меня къ чуму „Имы“, стоящему нѣсколько въ сторонѣ, и въ десятый разъ обдумываю и взвѣшиваю свой поступокъ, спрашивая себя, долженъ ли я вмѣшиваться въ жизнь этой женщины или нѣтъ, и каждый разъ всей логикой души прихожу къ тому же заключенію, что это моя обязанность, что это мой долгъ и что многіе другіе на моемъ мѣстѣ не поступили бы иначе.

Я уже совсѣмъ приблизился къ этому берестяному чуму, очертанія котораго слабо обрисовывались передо мной, какъ какой-то шопотъ донесся до моего слуха. У меня тотчасъ мелькнула мысль: не проснулся ли ея мужъ, и я остановился въ нерѣшительности, прислушиваясь. Это были едва внятныя слова, тихіе жалобные звуки, словно подавленные вздохи... Приникаю ухомъ и ясно слышу сквозь тонкую стѣну юрты, какъ мужской голосъ сладострастно шепчетъ: „Има, Има“, вслѣдъ которому другой голосъ, грудной женскій вторитъ: „Сабалъ...“—порывъ поцѣлуевъ сопровождалъ эти слова...

Я моментально отскочилъ отъ этого чума и поспѣшно пошелъ къ себѣ, теперь только понявъ, насколько мои намѣренія и всякіе мои планы помочь этой женщинѣ были излишни. Я ощупью добрался до моей юрты и бросился на кровать, думая соснуть...

Но мнѣ почему-то не спалось.

Въ голову лѣзли всякія воспоминанія о разныхъ лицахъ, встрѣченныхъ мною въ моихъ долгихъ скитаніяхъ по бѣлому свѣту.

Вспомнились мнѣ тѣ страдалицы-женщины, которыя терпѣли всякія оскорбленія и униженія отъ своихъ мужей, деспотизмъ ихъ и всякія несправедливости, молчаливо и мужественно неся крестъ свой ради своихъ дѣтей. Припомнились мнѣ и тѣ женщины, которыя бросали отчизну, родину свою и слѣдовали за своими мужьями на край свѣта, въ изгнаніе, а подчасъ и на висѣлицу изъ любви къ нимъ, думая, что нашли въ нихъ свой идеалъ, и мнѣ страшно стало за тѣ жертвы, которыхъ подчасъ требуетъ любовь...

Не та ли любовь привязывала эту несчастную женщину къ ея мужу-варвару и

заставляла ее переносить его безчеловѣчные побои и истязанія. Но чѣмъ именно сумѣлъ внушить ей такую любовь этотъ рослый и крѣпкій полудикарь, въ фигурѣ и движеніяхъ котораго проглядываетъ одна только грубая животная сила и отъ котораго въ пьяномъ видѣ такъ „несетъ“, что и стоять при немъ близко невозможно? Пойдите же и поймите женское сердце. Многое намъ, мужчинамъ, непонятно въ женщинѣ,—вотъ одною загадкой больше...

Не знаю, сколько я еще размышлялъ бы такъ насчетъ загадочности женской натуры, не будучи въ состояніи заснуть, если бы въ это время не донесся до моего слуха оглушительный свистокъ приближавшагося парохода. Я радостно выбѣжалъ на улицу и въ проблескахъ начинающагося утра узналъ *Проворнаго*. Капитанъ и штурвальный „Митрій“ издали махали мнѣ платками, давая понять, что скоро пристанутъ.

Благодаря свисткамъ также проснулись остяки и остячки, которые всѣ высыпали на берегъ, чтобы проводить меня. Тутъ былъ шаманъ, который съ своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ о чемъ-то толковалъ съ однимъ изъ своихъ односель-

чанъ; была и старая остячка, услугами которой я пользовался, живя въ улусѣ; были и многіе другіе, но среди нихъ я не замѣтилъ ни Сабала, ни жены его.

Добрая старуха и теперь привѣтливо улыбалась мнѣ, дала мнѣ на дорогу трехъ большихъ муксуновъ, трепетавшихъ въ ея рукахъ и, прощаясь со мной, крикнула мнѣ по-остяцки: „Омуломъ, омуломъ!“.

— Омуломъ, омуломъ! — вслѣдъ затѣмъ раздались и другіе голоса.

Мы стали отчаливать отъ берега.